

Александр Михайловский
Александр Харников

ОДНАЖДЫ В ОКТЯБРЕ

Однажды в Октябре - 1

Ангелы в погонах

Александр Михайловский

Однажды в октябре

«Автор, Автор»

2015

Михайловский А. Б.

Однажды в октябре / А. Б. Михайловский — «Автор, Автор»,
2015 — (Ангелы в погонах)

В 2012 году к берегам Сирии, охваченной пламенем войны с терроризмом, вышла российская эскадра под командованием контр-адмирала Ларионова. Но из Средиземного моря 2012 года она неожиданно попала в море Балтийское, где шел октябрь 1917 года. Через несколько часов начнется германская операция «Альбион», а еще месяцем позже должны произойти события, десять дней которых «потрясли мир». А пока на носу Моонзунд - героическая и одновременно бесславная страница русской истории. Большевики в Петрограде власть еще не взяли, но Временное правительство Керенского уже бессильно и беспомощно. С кем быть, вопросов нет, но на кого сделать ставку в партии большевиков? Как перевернуть политическую шахматную доску так, чтобы пролетарская революция не переросла в гражданскую войну, и не раскрутился маховик братоубийственной бойни? Кто для молодой Советской России станет другом, а кто врагом? Кто проведет огромную мятущуюся страну между двумя крайностями, позволив ей избежать самого страшного?

Герои этой книги сделали свой выбор, и все последующие события мировой истории пошли совсем по другому пути...

Содержание

Часть 1. Крах «Альбиона»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Александр Михайловский, Александр Харников Однажды в Октябре

Часть 1. Крах «Альбиона»

Нигде и никогда, вне времени и пространства

ГОЛОС звучал, перекатываясь в головах людей громовыми волнами.

– Службе Обеспечения Эксперимента приступить к созданию темпоральной матрицы!

– Докладывает Служба Обеспечения Эксперимента. Сканирующая линза создана, процесс обнаружения и локализации объектов запущен. – После длящейся вечность паузы, заполненной стуком метронома, ГОЛОС продолжил: – Обнаружено и локализовано шестнадцать надводных и два подводных объекта, объекты в воздухе отсутствуют. Приступаю к процессу сканирования. Десять... двадцать... пятьдесят... восемьдесят... сто... Сканирование завершено, матрица сформирована.

– Службе Обеспечения Эксперимента приступить к трассировке темпоральных узлов-реципиентов.

– Докладывает Служба Обеспечения Эксперимента. Трассировка темпоральных узлов инициирована. Первый доступный узел-реципиент – 4 января 1942 года от рождества Христова, координаты: сорок четыре дробь тридцать один в Гринвичской системе координат. Вторым доступным узел-реципиент – 11 октября 1917 года, координаты: пятьдесят девять дробь двадцать. Третий доступный узел-реципиент – 9 февраля 1904 года, координаты: тридцать семь дробь сто двадцать пять. Четвертый доступный узел-реципиент – 5 июня 1877 года, координаты: тридцать девять дробь двадцать пять. Остальные энергетически доступные темпоральные узлы-реципиенты заблокированы логическими запретами первого и второго уровней.

– Выявленные темпоральные узлы-реципиенты санкционированы, Службе Обеспечения Эксперимента приступить к процессу копирования матрицы.

– Служба Обеспечения Эксперимента к процессу копирования матрицы приступила. Первая копия – готово, копирование успешно! Вторая копия – готово, копирование успешно! – ГОЛОС посуровел и в манере диктора еще того, советского, телевидения, произнес: – Дорогие товарищи, наш рейс прибыл в 1917 год, за бортом 11 октября означенного года по Григорианскому календарю, позиция в самом центре Балтийского моря. Местное время – восемнадцать часов. Командир корабля и экипаж прощаются с вами и просят сохранять спокойствие и мужество. О своих семьях не беспокойтесь, о них позаботятся ваши Оригиналы. – ГОЛОС посуровел. – Делайте что должно, и да свершится что суждено! Аминь!

Узел второй, 11 октября (28 сентября) 1917 года, Балтийское море

Серый мрачный осенний балтийский закат; над волнами Балтики, смешиваясь с туманом и низкими дождевыми облаками, медленно расплзается линзообразное облако грязно-желтого тумана. Его медленно сносит на восток упорным, сырым, как все вокруг, западным ветром. Тут нет посторонних глаз, которые могли бы увидеть, как на только что пустой глади моря из тумана из ниоткуда появились корабли под андреевскими флагами. Много кораблей – эскадра, или даже флот...

18:01 ТАКР «Адмирал Кузнецов», каюта контр-адмирала Ларионова

Контр-адмирал Ларионов сидел как оглушенный ударом молнии. В глазах фиолетовые и розовые пятна, в ушах звон, во рту сухость. Двадцать восьмое сентября – по старому, одиннадцатое октября – по новому стилю. Ровно за четыре недели до того момента, который потряс мир. Рука адмирала протянулась к селектору.

– Капитана первого ранга Иванцова.

– Слушаю, товарищ контр-адмирал, – донесся в ответ чуть хриплый голос.

Адмирал помолчал, затем бесцветным голосом произнес:

– Значит, так, Сергей Петрович... Как нам только что сообщили свыше, здесь и сейчас у нас тут война. Первая мировая, если кто в школе учился. От моего имени объяви готовность номер один. Приказ: по всему, что несет опознавательные знаки Германской империи, открывать огонь на поражение без всякого предупреждения. И пусть запишут в журнал. С «Москвы» поднять воздух вертолет ДРЛО, с «Кузнецова» – Су-33 в комплектации разведчика. Истребительного барража не надо – нам тут пока воевать в воздухе не с кем. Доставь сюда со «Смольного» команды ГРУшников и СВРовцев... – Адмирал сделал паузу. – Журналистов, пожалуй, тоже. Пусть тоже будут под рукой – время такое. Через час Военный совет, собери командиров кораблей, Бережного с Антоновой и этого... – контр-адмирал заглянул в список, – спецкора Тамбовцева. Меня о нем предупреждали, что в истории хорошо разбирается, а нам сейчас такой позарез нужен.

– Так точно, товарищ контр-адмирал, сейчас дам задание, все будет сделано... – Начальник штаба соединения помедлил. – Что еще?

Адмирал на мгновение задумался.

– Сергей Петрович, как все сделаешь, зайди ко мне минут на пять, есть разговор.

– Хорошо, товарищ контр-адмирал. – Иванцов кашлянул. – Это все?

– Да, все, спасибо...

Адмирал Ларионов отключил селектор. Потом немного подумал и потянулся к личному ноутбуку. Он прекрасно понимал, что имел в виду тот, кто их сюда заслал. Завтра утром германская армия и флот начнут операцию «Альбион», цель которой – захват Моонзундского архипелага. Вон на книжной полке стоит затрепанный томик Пикуля, «Моонзунд» – книга, которая, можно сказать, и привела его во флот.

Адмирал встал и прошелся по каюте. Он думал.

Минут через пятнадцать оглушительный грохот, пронизавший весь корабль, возвестил, что самолет-разведчик стартовал. Еще через некоторое время в каюту вошел капитан первого ранга Иванцов.

– Разрешите, Виктор Сергеевич?

– Заходи и садись, – кивнул Ларионов, – разговор у нас с тобой будет не совсем обычный.

– Слушаю вас, товарищ контр-адмирал...

– Ты ведь, Сергей Петрович, у нас коммунист? – Вопрос адмирала выглядел скорее утверждением.

– Коммунист, товарищ контр-адмирал, – ответил Иванцов, – но беспартийный.

– Это как?! – не понял Ларионов.

Иванцов вздохнул и устроился на стуле поудобнее.

– Убеждения у меня стопроцентно коммунистические. Но тот цирк-шапито, в который превратил партию товарищ Зю, мне категорически противен. Можете считать меня убежденным сталинистом.

– Это хорошо, – адмирал кивнул, – потому что вон там, – он указал туда, где, по его предположению, находится восток, – в пятистах километрах отсюда, в славном городе Петрограде, сейчас находится товарищ Сталин в самом расцвете своих тридцати девяти лет. Сидит, наверное, и готовит к печати очередной номер газеты «Рабочий путь» – так сейчас после многих запретов и закрытий называется газета «Правда».

– Я это помню, товарищ контр-адмирал, – кивнул Иванцов. – Что-нибудь еще?

– Да нет, спасибо, Сергей Петрович, можете быть свободны... – Адмирал встал. – Просто теперь я уверен, что полностью могу на вас рассчитывать. Будьте добры, к началу Военного совета подготовьте краткую справку, что сейчас происходит в России и в мире.

18:30. Учебное судно «Смольный»

Журналист Александр Васильевич Тамбовцев

«Он шел на Одессу, а вышел к Херсону...» – почему-то вспомнилась мне строчка из старой героической песни про матроса-партизана Железняка. Как и он, отправились мы в Сирию начала XXI века, а угодили прямиком на Балтику образца осени 1917 года. Вот такие дела. Все произошедшее, конечно же, совершенно невероятно и может восприниматься не иначе как чудо, сотворенное кем-то, чьи пути совершенно неисповедимы... Но отныне это чудо следует принимать как данность. Напутствие, данное нам Голосом, давало некоторый ориентир и все-ляло надежду, что случилось все это с нами не просто так.

Кстати, если верить тому, что вещал тот загадочный голос, у меня есть вполне реальный шанс встретиться с героем вдруг вспомнившейся мне песни, матросом-анархистом Анатолием Григорьевичем Железняковым. Личность, кстати, легендарная. Сей кадр отлично владел французским языком, рисовал, хорошо играл на фортепиано. Это вам не пьяный «жорик» с двумя классами ЦПШ, семечками, клешами, метущими улицу и жаргоном гопника с Лиговки.

6 сентября 1917 года Железняков сумел удрать из «Крестов», где он тянул 14-летний срок. Сейчас он уже в Кронштадте, заседает в Центробалте... Так что, даст Бог, увидимся с человеком, который в 1918 году прикрыл говорильню, именуемую Учредительным собранием. Этот факт вдохновляет, не говоря уже о том, что теперь у нас появилась вполне реальная (и даже, чувствую, неизбежная) возможность познакомиться и с другими историческими личностями гораздо более широкого масштаба...

А пока меня срочно затребовали на «Кузю». Меня захотел увидеть сам адмирал Ларионов. Похоже, мне придется снова вернуться к делам, которыми я уже давно не занимался. И от этого я невольно вострепнулся – словно старый боевой конь, услышавший звук горна. Значит, повоюем еще!

19:15 ТАКР «Адмирал Кузнецов», адмиральский салон

– Товарищи офицеры! – открыл Военный совет адмирал Ларионов. – Мы собрались здесь, чтобы определиться, что нам делать дальше и чего от нас хочет та сила, что забросила нас в это время. Вы все уже знаете, что через несколько часов германский флот начнет операцию «Альбион», а еще через четыре недели будет Великий Октябрь. И если у нас хватит сил и средств разрушить все планы германского командования на Балтике, то я не вижу ни возможности, ни необходимости как-то мешать приходу большевиков к власти... Я готов выслушать ваше мнение по этому поводу, чтобы определиться с нашими дальнейшими действиями в этой необычной ситуации...

Невысокий, худощавый, начавший сидеть мужчина в полевой форме с полковничьими погонами поднял руку.

– Полковник Бережной, куратор спецгруппы ГРУ. Я не буду рассуждать, что да почему, а сразу перейду к делу. Товарищ контр-адмирал, я думаю, все тут разделяют мнение, что Временное правительство, которое уже развалило все, что можно развалить, и предало все, что можно предать, обречено, и чем быстрее его вынесут на лопате, тем лучше. Что же должны делать мы? Как сказал классик, «если не можешь предотвратить, то возглавь». Здесь есть работа по нашей специальности. Телефон, телеграф, почта, вокзалы, госбанк и на сладкое – Зимний. Но считал бы необходимым предварительно провести доразведку на местности. Живая реальность может значительно отличаться от общепринятой истории. Сами знаете, как

часто у нас из черного делали белое, и наоборот. Кроме того, было бы неплохо завязать контакты с нужными людьми...

– Товарищ полковник, с кем именно вы хотите контактировать? – переспросил капитан первого ранга Иванцов. – Случайно не с Троцким ли?

– Если надо будет, то и с Троцким, – ответил Бережной, – но в первую очередь нас интересует тот, кто уже один раз принял нашу страну с сохой, а оставил ее с ядерным оружием. Слова «товарищ Сталин» вам о чем-нибудь говорят?

– Говорят, товарищ полковник, – кивнул Иванцов. – Но почему в таком случае не Владимир Ильич Ленин?

– Так он сейчас не у дел, товарищ капитан первого ранга, – ответил Бережной, – находится в Выборге, на территории Великого княжества Финляндского, и руководит подготовкой к вооруженному восстанию виртуально. Впрочем, его фигура заслуживает внимания. Это теоретик и тактик, которых еще надо поискать. К тому же он пользуется в партии огромным авторитетом. Но... – полковник помедлил, – очень хотелось бы знать, как Ильич поведет себя в новых условиях...

– Понятно, – сказал Ларионов и переглянулся с Иванцовым. – Кого думаете послать в Петроград?

– Кхм... – прокашлялась полковник Антонова Нина Викторовна. – Мы тут этот вопрос между собой уже обсуждали. И с Вячеславом Николаевичем пришли к общему мнению, что в случае необходимости на встречу со Сталиным отправится Александр Васильевич Тамбовцев. Он и журналист (коллега поймет коллегу), и офицер запаса по нашему ведомству, и вообще человек с большим жизненным опытом. Я считаю, что он найдет для товарища Сталина нужные слова. Для сопровождения и маскировки вместе с ним в Петроград осени 1917 года пойдут молодая журналистка с телеканала «Звезда» Ирина Андреева. Подобная пара – молодая девушка и пожилой мужчина, хороша тем, что общим вниманием будет пользоваться именно девушка. Кроме того, она сама по себе уже достаточно опытный военный журналист. Пойдут они туда, где можно найти редактора газеты «Рабочий путь» – в типографию «Труд» на Кавалергардской улице, это недалеко от Смольного. Кроме того, дадим им на всякий случай двух-трех крепких ребят для прикрытия.

– Хорошо, – кивнул адмирал, – ваш план пока принимается. Что еще? У кого есть другие мнения?

– Товарищ контр-адмирал, – поднял руку командир сторожевика «Ярослав Мудрый», – а что если мы, по указанию тех, кто нас сюда забросил, должны переиграть Первую мировую войну?

Адмирал тяжело вздохнул и посмотрел на своего начальника штаба.

– Нет, товарищи, – покачал головой капитан первого ранга Иванцов, – не сходится. Тогда нас забросили бы в август четырнадцатого, а не в октябрь семнадцатого. Ведь всего делов-то: высадить десант под Данцигом, захватить мосты и перерезать железную дорогу на Кенигсберг. С современным вооружением наши морпехи могли бы целую вечность удерживать позиции против полевых пушек немцев и винтовок Маузера. А тем временем Самсонов с Реннекампом таки заняли бы Восточную Пруссию и уничтожили обороняющую ее 8-ю армию. Ну и, конечно, бомбить с воздуха в немецком тылу все, что шевелится, не без этого. А сейчас уже поздно: что выросло, то выросло.

– Это понятно, – кивнул контр-адмирал Ларионов. – Хотя чувствую, что побомбить немцев нам еще придется. Еще вопросы будут?

Офицеры напряженно молчали, и он продолжил:

– Ладно, тогда закончим с демократией и перейдем к приказам. Первое – операции по свержению Временного правительства присвоить кодовое наименование «Фестиваль». Ответственный за разведку и планирование – полковник Антонова Нина Викторовна, ответственный

за силовую часть – полковник Бережной. Для обеспечения силовой части операции «Фестиваль» полковнику Бережному временно подчиняется сводная корабельная группа «Питер» под командованием капитана первого ранга Перова. Состав корабельной группы: БПК «Североморск», десантные корабли: «Саратов», «Новочеркасск», «Калининград», «Александр Шабалин», учебные корабли «Смольный» и «Перекоп», военный транспорт «Колхида», а также танкер «Дубна». Рота спецназа ГРУ и отдельная вертолетная группа специального назначения уже находятся в распоряжении полковника Бережного и в переподчинении не нуждаются. Второе – операцией «по принуждению Германской империи к миру» командовать буду лично я. Принуждать немцев к приличному поведению будут: ТАКР «Адмирал Кузнецов», ракетный крейсер «Москва», эсминец «Адмирал Ушаков», сторожевики «Ярослав Мудрый» и «Сметливый». Подводные лодки «Алроса» и «Северодвинск» останутся пока в резерве, вместе с небоевыми судами соединения. «Северодвинску» на Балтике тесно как крокодилу в ванной, а работу «Алросе» мы пока на придумали... Можно, конечно, послать лодку для блокирования восточного конца Кильского канала, но авиация, разбомбив шлюзы, сделает это и быстрее, и эффективнее.

– Товарищ контр-адмирал, – поднял руку командир «Алросы» капитан 2-го ранга Павленко, – моя лодка может занять позицию с балтийской стороны датских проливов, напротив Копенгагена. Я думаю, что англичане могут договориться с Данией, и после разгрома на Балтике германского флота и блокирования Кильского канала попробуют проникнуть в Финский залив. Тогда мы могли бы наглядно, потопив пару-тройку дредноутов, объяснить адмиралам Его Величества, что посторонним вход воспрещен.

– Хорошо. Подойдите сюда, – адмирал Ларионов указал точку на карте, – займете позицию вот здесь. Задача – не пропустить на Балтику ни одного корабля Антанты. Ни военного, ни торгового. Топите без предупреждения, здесь так принято. – Он обвел взглядом собравшихся. – Что-нибудь еще?

Капитан первого ранга Иванцов посмотрел на полковника Бережного.

– Вячеслав Николаевич, у меня к вам есть одна просьба...

– Говорите, Сергей Петрович, – кивнул тот.

– Поскольку вам подчиняются и рота спецназначения ГРУ, и отдельная вертолетная группа специального назначения, то не могли бы вы поделиться специалистами? Возможно, в ходе операции нам придется проводить точечные операции на побережье, а у вас в Питере для ударных вертолетов пока нет никаких задач...

– Виктор Сергеевич, – обратился Бережной к контр-адмиралу, – во время скрытой фазы «Фестиваля» нам понадобится максимум два взвода спецназа и четыре вертолета Ка-29. Когда речь пойдет о взятии власти, то будет необходимо сосредоточить на выполнении главной задачи все силы.

– Вы правы, – кивнул адмирал, – Питер – это главное. Первый ваш сигнал – и мы все поставим на место. Что еще?

Полковник Бережной пожал плечами.

– Все, товарищ контр-адмирал. Командовать полуротой спецназа, прикомандированной к флоту, будет майор Гордин. Кроме всего прочего, на «Североморске» надо освободить ангар. Пусть его Ка-27 перелетит пока на «Адмирал Кузнецов». На этом точно все. Разрешите приступать?

– Приступайте, товарищ полковник... – Адмирал перевел свой взгляд на капитана первого ранга Перова, по совместительству являвшегося командиром БПК «Североморск». – Ваша корабельная группа, соблюдая маскировку, выдвигается в Финский залив. Будьте осторожны, возможны минные поля. Я вас, Алексей Викторович, потому и посылаю, что вы сможете провести корабли даже в этом «супе с клецками». Первая промежуточная точка – остров

Гогланд. Остальные корабли получают конкретные приказы по мере разработки операции. Все, все свободны.

Офицеры молча покидали Военный совет. Слишком грандиозна была задача, слишком неопределенными были начальные условия. Все что они знали об этом времени – это мифы. Советские мифы, антисоветские мифы, постсоветские мифы... И теперь им предстоит узнать, каков он был на самом деле – Октябрь 1917 года – и, мало того, принять в этих событиях участие. Встретить многих интересных людей. Некоторых из них убить. И сделать все, чтобы история России пошла другим путем...

20:05. Адмиральский салон ТАКР «Адмирал Кузнецов»

Контр-адмирал Виктор Сергеевич Ларионов

Закончился Военный совет, и офицеры разошлись, чтобы заняться подготовкой к тому, что случится завтра утром. На горе немецкого командования, спланировавшего операцию «Альбион», наше соединение полностью боеготово, да к тому же вооружено так, что никто в этом мире не может с ним потягаться. Я не имею в виду ядерное оружие, хотя на этой войне ничего нельзя исключить – ведь оружие массового поражения в виде ядовитых газов здесь применяется вовсю. Если немцы еще раз применят газы против русской армии, то я прикажу нанести удар спецбоеприпасами по объектам их тыловой инфраструктуры.

Но главное не в этом. Немцы и война с ними – это всего лишь разминка перед большой дракой. Оказывается, нам судьбою предначертано совершить то, что «потрясет мир» – так, кажется, назвал события осени 1917 года американский журналист Джон Рид. Интересную книгу он написал, кстати. Перед началом совещания я быстренько пролистал ее, чтобы вспомнить основные события сентября-октября 1917 года. Ох и веселое было, то есть ЕСТЬ, времечко!

Правда, в отличие от того варианта событий, нам надо не только Временное правительство свергнуть, но и разгромить германский флот у Моонзунда таким образом, чтобы победа в морском сражении отозвалась победой в Петрограде и пошла в зачет уже новой власти. Сложно это все, товарищи...

Человек я военный, всю жизнь посвятил флоту, от политики же старался держаться подальше. Считал, что мое дело – содержать вверенный мне корабль (а потом и корабли) в таком состоянии, чтобы друзья уважали наш флот и страну, а враги боялись. И когда 6-й американский флот драпанул от нас до самого Норфолка, для меня это было как золотая медаль для спортсмена, причем олимпийская. Высшая оценка способностей и заслуг. Но, оказывается, нас высоко оценили не только американцы... И потому мы здесь и сейчас. А главная задача в этом времени все-таки больше политическая, нежели военная, и потому не стоит особо увлекаться игрой «Охота на немцев».

Однако сирийские дела в XXI веке тоже были завязаны на политику, поэтому на эскадре есть люди, которые лучше меня разбираются во всех этих хитросплетениях. Буду советоваться с ними – надеюсь, подскажут, если что не так. Главное, что мы знаем, чего хотим и как этого добиться.

К Военному совету со «Смольного» на «Адмирал Кузнецов» вместе с ГРУшниками и СВРовцами прибыл и спецкор ИТАР-ТАСС, Александр Васильевич Тамбовцев. Это именно его полковник Антонова предложила для выполнения основной миссии в городе Петрограде. На совещании он стоял в задних рядах, молчал и внимательно слушал. Сопроводилке, которая с самого начала похода лежала в моем сейфе, гласила, что Тамбовцев с доперестроечных времен работал в одной тихой конторе с трехбуквенной аббревиатурой и связанной с «глубинным бурением». После девяносто первого года вышел в отставку в невысоком чине капитана и подался в журналистику. Неплохо знает историю, рассудителен, не трус, имеет принципы (в

наше время это довольно редко встречается), к тому же родился и вырос в Питере, и отлично знает все его закоулки.

Словом, хорошее досье, вызывающее уважение. Познакомимся с Александром Васильевичем поближе...

Я щелкнул клавишей селектора, вызывая своего адъютанта.

– Миша, срочно найди мне, пожалуйста, Александра Васильевича Тамбовцева. Он может быть у журналистов или СВРовцев. И передай Иванцову, пусть начинают без меня...

20:15. ТАКР «Адмирал Кузнецов», Александр Васильевич Тамбовцев

Когда подтянутый вежливый лейтенант сообщил мне, что со мной хочет увидеться контр-адмирал Ларионов, я был в большой каюте, которую командир «Кузнецова» капитан первого ранга Антон Иванович Андреев любезно предоставил переведенным сюда со «Смольного» журналистам. Авиагруппа «Адмирала Кузнецова» была примерно втрое меньше, чем рассчитывали, так что в его недрах свободных помещений хватало.

В данный момент в этой каюте бушевали смерч, ураган и землетрясение в одной экономической упаковке. «Упаковкой» являлся директор съемочной группы телеканала «Звезда» господин Лосев. Завзятый либерал, он просто выходил из себя от злости, узнав, что мы собираемся поучаствовать в Великой Октябрьской революции, причем на стороне большевиков. Вопли о «демократии», «законном правительстве», «европейской семье народов», «верности союзническому долгу» вылетали из его ротика вперемешку со слюной.

Ирочка Андреева стояла перед ним – взъерошенная, как кошка, и было видно, что она готова своими острыми коготками сделать мгновенный «макияж» на небритом хохотальнике своего шефа. Дорогу в адмиральский салон я запомнил, и поэтому шепнул лейтенанту, что нужно вызвать наряд, чтобы завтра на доске объявлений не появился некролог с фамилией «жертвы тоталитаризма и сталинизма». Лейтенант ответил, что на «Кузнецове» военной полиции, слава Богу, нет, и он даже не знает, что делать в подобной ситуации. Тогда я посоветовал ему зайти в соседнюю каюту и официально обратиться к полковнику Бережному. Для его ребят успокоить разбушевавшегося «хомячка» – проще пареной репы. А поскольку у нас свобода слова, то для содержания этого организма нужно подобрать такое место, где он мог бы продолжить общение со своими братьями по разуму – корабельными крысами.

Закончив инструктаж политически наивного юноши, я направился в сторону адмиральского салона. Мне было ясно, что Виктор Сергеевич Ларионов хочет лично переговорить со мной еще до начала планирования операции, чтобы получить информацию из первых рук и составить обо мне личное мнение. Мое досье он наверняка читал, и теперь хочет посмотреть, что называется, «товар лицом». А я вот возьму и соглашусь! Прямо с ходу, не торгуясь...

– Здравствуйте, Виктор Сергеевич, – сказал я, – догадываюсь, что вы хотите мне поручить. Итак, с чего начнем?

– Да, Александр Васильевич, – сказал контр-адмирал, – именно вы и нужны нам в качестве доверенного лица. Отправляться вам придется, не мешкая, в самое ближайшее время. Куда, вы уже знаете, а вот к кому? Как вы считаете, с кем в нынешнем Петрограде можно говорить серьезно?

Я задумчиво потер переносицу. Действительно, с кем? Временное правительство отпадает – «Главноуправляющий» Александр Федорович Керенский власти фактически лишен. Его юрисдикция не распространяется далее территории Зимнего дворца. Ну, а другие политические деятели пока эту власть, которая валяется на земле, поднимать не спешат. Ведь вместе с властью придется брать на себя и ответственность за огромную страну, которая дергается в конвульсиях, словно курица с отрубленной головой. Только такие вконец отмороженные ребята, как большевики, эту власть решатся поднять.

– Виктор Сергеевич, – сказал я, – других вариантов нет, и не может быть. Из серьезных деятелей РСДРП(б) сейчас в Питере всего несколько человек. И реальную работу по подготовке вооруженного восстания ведет один лишь Сталин. Помимо того, что он является редактором большевистской газеты «Рабочий путь», она же «Правда», он входит еще в узкий круг тех, кто занимается реальными делами. Помимо него, немалый вес имеют Яков Свердлов, Андрей Бубнов, Феликс Дзержинский и Моисей Урицкий.

– А Ленин и Троцкий? – спросил адмирал Ларионов. – Они что, по-вашему, не имеют вес среди вождей большевиков?

– Имеют, конечно. Но Ленин сейчас отсутствует. Он скрывается от ареста по обвинению в шпионаже в Финляндии. В данное время, если мне память не изменяет, он находится в Выборге. А Троцкий проявит себя как талантливый агитатор уже в ходе революции. Да и среди большевиков у него авторитет еще мизерный, ведь лишь в августе 1917 года на VI съезде партии он и Урицкий в составе так называемых «межрайонцев» вошли в РСДРП(б). Кстати, как вы думаете, кто на этом съезде читал два основных доклада: отчетный и о политическом положении?

Виктор Сергеевич хитро улыбнулся и посмотрел на меня. Я понял, что в своем военноморском училище он не только изучал навигацию и тактику. Похоже, что ему приходилось иметь дело и с «Кратким курсом истории ВКП(б)».

– Вот к товарищу Сталину вы, Александр Васильевич, и отправитесь, – став серьезным, заявил он. – Тем более что сейчас он ваш коллега – главный редактор главной большевистской газеты. Как его найти, вы знаете?

– Найти товарища Сталина будет непросто, – задумчиво сказал я, – редакция «Правды» на Мойке в июле 1917 года была разгромлена. Потом часть персонала работала на Ивановской улице, неподалеку от Загородного проспекта. Но вероятнее всего встретить Сталина в типографии Санкт-Петербургского товарищества печатного и издательского дела «Труд» на Кавалергардской улице – это в пятнадцати минутах ходьбы от Смольного. Ежедневные газеты всегда сдаются в типографию за полночь, и выпускающий редактор не уходит из типографии до тех пор, пока печатный станок не начнет свою работу. Так что искать Сталина надо именно там. И остается еще один вариант. Иосиф Виссарионович с августа живет в квартире своего старого друга и однопартийца Сергея Яковлевича Аллилуева на 10-й Рождественской улице в доме 17. Бывает он там редко, но все же бывает. И вы знаете, почему?

– Догадываюсь, Александр Васильевич, – опять улыбнулся адмирал Ларионов, – любовь – она даже таких твердокаменных большевиков, как товарищ Сталин, не щадит. Наденька Аллилуева его там ждет. К сожалению, семейная жизнь у них закончится трагически. Но пока они об этом, слава Богу, не догадываются. Вижу, что вы темой владеете прекрасно, и выйти на след товарища Сталина сумеете.

– Да уж постараюсь, – сказал я. – Хотя товарищ Коба и хороший конспиратор, но нам все же легче, чем филерам Департамента полиции. Мы знаем, где и когда он должен быть. А как мы попадем в Питер?

– Мы отправим с «Кузнецова» вертолет, который доставит вас туда, куда вы укажете, – сказал адмирал. – Как местный житель, прикиньте, где вас вместе с сопровождающими лучше высадить, чтобы не привлечь излишнего внимания к вашим персонам. Кстати, я кое-что читал о порядках, что царят сейчас в граде Петра, но буду вам благодарен, если вы расскажете мне о них подробнее.

– Хорошо, – ответил я, доставая свою записную книжку, – слушайте. Итак, 6 марта 1917 года тогдашний министр юстиции Александр Керенский по случаю падения самодержавия объявил в России всеобщую политическую амнистию, согласно которой на свободу выпускались все политзаключенные. Тем же указом Керенский наполовину сократил сроки лицам, содержащимся под стражей за уголовные преступления. Вскоре из тюрем вышло около 90 тысяч

заклученных, и среди них было немало самых отпетых уголовников: воров, убийц, налетчиков и бандитов. Именно их в те дни в народе и стали называть «птенцами Керенского».

«Новый государственный порядок открывает путь к обновлению и к светлой жизни для тех людей, которые впали в уголовные преступления!» – вещал с трибун Керенский. А уже к середине марта 1917 года для многих российских городов стала обычной картина, когда по улицам ходили пестро одетые компании уголовников, успевших к тому моменту пограбить магазины, и теперь щеголявших в пальто и шубах с чужого плеча. Словом, начались настоящие Содом и Гоморра. К тому же правоохрательные органы были уничтожены полностью. А мальчишки-гимназисты со ржавыми трофейными винтовками вызывали у местных «бродяг» и «жиганов» смех. Только в Москве в первый месяц после мартовской амнистии «птенцами Керенского» было совершено почти 7 тысяч краж, около 2 тысяч грабежей и разбоев и не менее 100 убийств. В Питере дела обстояли не лучше.

– Да... – задумчиво сказал Виктор Сергеевич, – одних вас в Питер отпускать нельзя. Поэтому, как вы уже знаете, для вашего сопровождения и охраны отправятся четверо бойцов спецназа под командой толкового офицера. Идемте, и обсудим подготовку к предстоящему путешествию в более широком кругу. Ведь нам надо не только аккуратно доставить вас в Питер, но и спланировать наши дальнейшие действия. А потом, уже перед самым вылетом, мы обсудим с вами, с чем вы придете к Сталину.

20:40. ТАКР «Адмирал Кузнецов», оперативный отдел

– Товарищи, перед нами стоят две задачи: одна главная, другая основная... – Начальник штаба соединения капитан первого ранга Иванцов обвел собравшихся внимательным взглядом. – Причем нужно выполнить обе их надо одновременно. Главная – это разгром немецкого флота на Балтике и срыв операции «Альбион» – высадки немецкого десанта на острова Моонзундского архипелага. Основная же заключается в следующем: форсировав Передовую и Центральную минную позиции, провести в Финский залив нашу десантную группировку. Начнем с последнего. Как все вы уже знаете, обеспечивать форсирование Центральной минной позиции будет БПК «Североморск» под командованием капитана первого ранга Перова. Алексей Викторович, доложите обстановку.

Подтянутый каперанг встал, и начал свой доклад:

– В настоящий момент сформирован походный ордер, состоящий из следующих кораблей: БПК «Североморск», БДК «Калининград», БДК «Александр Шабалин», учебного судна «Смольный», БДК «Новочеркасск», БДК «Саратов», транспорта «Колхида», учебного судна «Перекоп». После получения команды отряд готов двинуться в район форсирования минных заграждений. На «Североморске» готовы к работе по поиску минных полей два противолодочных вертолета Ка-27ПЛ. Опускаемые гидроакустические станции на вертолетах перед походом прошли поверку и тестирование.

– Отлично, – кивнул Иванцов, – значит, мы можете приступить к выполнению операции. Как только завершите форсирование минной позиции, отправьте противолодочные вертолеты на «Кузнецов», а взамен к вам вылетят транспортные Ка-29 со спецназом. Да, – начальник штаба соединения вопросительно посмотрел на командира «Североморска», – есть еще дополнительные вопросы?

– Да, Сергей Петрович, один есть, – кивнул Перов. – Какие действия мы должны предпринять при обнаружении подводной лодки? В настоящий момент мы не имеем записанных акустических портретов, чтобы отличить друг от друга русские, английские и немецкие лодки.

– Дальность прицельного выстрела нынешними пневматическими торпедами не превышает 10 кабельтовых. Любая подлодка, подошедшая к вам на эту дистанцию, должна быть немедленно уничтожена, – жестко ответил начальник штаба соединения. – Мы не имеем права рисковать повреждением или гибелью хоть одного нашего корабля. Любой командир, вышед-

ший в атаку на корабль под андреевским флагом, вне зависимости от своей национальной принадлежности, должен понимать, что он сам кладет голову на плаху. Запомните это сами и передайте командирам учебных кораблей, и пусть запишут приказ в журналы. Можете делать одиночные предупредительные выстрелы, но на дистанцию выстрела к кораблям не должна подойти ни одна подлодка. К тому же, по данным историков, ни одна русская подводная лодка в Моонзунд не направлялась. Британские были, а наших не было. Еще вопросы?

Капитан первого ранга Перов встал.

– Нет, Сергей Петрович, вопросов больше нет, разрешите приступить?

– Приступайте, Алексей Викторович, – кивнул Иванцов, – и с Богом. На палубе разъездной Ка-27 с номером «013», скажите командиру, что я приказал доставить вас на «Североморск» немедленно.

Когда тот вышел, начальник штаба перевел дух.

– А теперь, товарищи, приступим к нашей главной задаче – противодействию германской операции «Альбион». Для захвата Моонзундских островов немецкое командование выделило десять линкоров, один линейный крейсер, используемый как флагманский корабль соединения, пять легких крейсеров, один из которых, «Эмден», находится при линейных силах, а четыре других – «Франкфурт», «Кенигсберг», «Карлсруе» и «Нюрнберг» – идут в сопровождении транспортов с десантом. Все четыре крейсера принадлежат к одному типу – «Кенигсберг II», имеют водоизмещение до 7.000 тонн, сбалансированное бронирование, и вооружены восемью 15 см орудиями с длиной ствола в 45 калибров. Максимальная скорость – 28 узлов, экипаж – 475 человек. Как только мы атакуем нашу главную цель – транспорты с десантом, – именно эта свора вместе с двумя десятками миноносцев бросится на нас...

– Сергей Петрович, а как же линейные корабли? – спросил командир «Адмирала Ушакова» капитан первого ранга Иванов. – Разве не с них будем начинать?

– Михаил Владимирович, а что будут делать немецкие линкоры, если мы угробим десант, который они должны поддерживать? – вопросом на вопрос ответил начальник штаба. – С линкорами, кидающимися четырехсоткилограммовыми болванками на расстояние двадцать километров, как-то не особо хочется вступать в прямое столкновение. Тем более что это настоящие толстокожие, забронированные по полной программе дредноуты. И я не уверен, что против них будут эффективны даже наши «Вулканы», которых у нас всего шестнадцать штук. Противобункерные КАБ-500 будут в этом смысле куда эффективней, но это уже вторая фаза операции. – Иванцов оглядел собравшихся. – Значит, так: подводная лодка «Алроса» пока не уходит к Копенгагену, а занимает позиции северо-западнее точки сбора десантной флотилии «Вейс». Это наш засадный полк. Ее задача – заранее выбить легкие крейсера, сопровождающие транспорты с десантом. Остальные наши корабли будут располагаться в двадцати-тридцати милях северо-западнее точки «Вейс». Давайте сверим часы – на моих сейчас 21:05. Ровно в 04:00, когда линкоры будут уже на месте, а транспорты будут еще идти к точке сбора, «Алроса» выпускает торпеды по крейсерам, а «Ярослав Мудрый» и «Сметливый» запускают по транспортным пароходам все свои «Ураны». В первую очередь уничтожению подлежат транспортные суда авангарда и три грузовых парохода, что следуют вместе с передовой группой тральщиков. Судя по воспоминаниям очевидцев, в своем большинстве суда эти довольно ветхие, даже без внутренних переборок, так что тонуть будут прямо вместе с десантом весело и быстро. Когда до цели долетит последний «Уран», начнется вторая фаза операции. Место побоища посетят ударные вертолеты. Это произойдет примерно в 04:15. На «Кузнецове» имеется восемь ударных машин типа Ка-52 и Ми-28. Их задача – добить в транспортном флоте все, что еще держится на воде. Кроме пароходов, там еще есть моторные лодки, баркасы и прочая мелкая шелупонь. После их налета должны остаться только щепки и трупы. На этом этапе линкоры все еще следует игнорировать. Да, Александр Владимирович, не геройствуйте: по возможности торпедировав крейсера, тут же отходите на глубокую воду...

– А что они мне сделают? – удивился командир подлодки, капитан 2-го ранга Павленко, – торпеды у меня электрические, бесшумные и бесследные. Срабатывание неконтактного взрывателя будет воспринято как подрыв на mine. Скорость движения – семнадцать узлов. Пока догадываются, я, отстрелявшись, скроюсь.

– Все равно, Александр Владимирович, слишком много риска, – вздохнул Иванцов, – не забывайте про минное поле, там есть и мины против подлодок. К тому же много мин, сорванных с якорей. Еще раз говорю, без нужды не рискуйте, выпустили торпеды по крейсерам – и обратно на глубину. Считайте, что это приказ.

– Так точно, Сергей Петрович: выстрелили – и на глубину, – кивнул капитан 2-го ранга Павленко, – приказ надо выполнять...

– Вот и славно, Александр Владимирович, – ответил начштаба, и продолжил: – Третий этап начнется, когда ударные вертолеты вернутся из налета и будут убраны в ангар. В воздух поднимутся две пары МиГ-29, каждый из которых возьмет восемь КАБ-500. Собственно, этого одного вылета хватит, чтобы вбомбить германские линейные силы в морское дно. Если же линкоры окажутся крепче, чем мы рассчитываем... Хотя какой, к черту, «крепче»: даже одно попадание КАБа ставит на корабле отметку «небоееспособен» и «нетранспортабелен». А если бомбу загонят в район артиллерийского погреба, то это однозначно катастрофа. Пока МиГи занимают линкорами, в воздух поднимутся три тройки Су-33 с бомбами ОДАБ-500. Они разнесут порт Либавы, известной нам как Лиепая. Там сейчас готовится к погрузке второй эшелон десанта. Когда к утру будет покончено с десантом и крупными кораблями, подойдем поближе и, не заходя на мелководье, где возможны минные поля, будем добывать тральщики, миноносцы и прочую мелочь при помощи артиллерии. В общем, кажется, все. А там, как говорил Наполеон, бой покажет.

– Сергей Петрович, а нам с «Москвой» какая задача? – снова спросил командир «Адмирала Ушакова», капитан первого ранга Иванов.

– А вас адмирал приказал оставить в резерве. Если бой покажет, что все идет не так, как было запланировано, и немецкие линкоры двинутся в нашем направлении, тогда вы с Василием Васильевичем быстро выбьете их из игры. А пока ваш боезапас нужно экономить. Еще неизвестно, с кем придется иметь дело в следующий раз – может, с англичанами. Еще вопросы будут?

Командир «Москвы», капитан первого ранга Остапенко, только молча кивнул, а вот командир «Адмирала Ушакова» все таки ответил:

– Никак нет, Сергей Петрович, вопросов больше не имеется.

– Тогда на сегодня все. «Москве» регулярно поднимать вертолет «ДРЛО» для контроля обстановки. Обо всех изменениях докладывать немедленно. Выход в точку сосредоточения в 03:00.

– Сергей Петрович, – спросил неугомонный командир «Ушакова», – а откуда вам так хорошо известны немецкие планы этой операции?

Иванцов погладил рукой лежащий на столе толстый томик в серой невзрачной обложке.

– Фон Чишвиц, прошу любить и жаловать. «Захват балтийских островов Германией в 1917 г.», писал начальник штаба десантного корпуса. Сейчас идет в нашу сторону на линейном крейсере «Мольтке». Выживет, зараза – от себя ящик водки поставлю, так все подробно описал. Недаром говорят, что болтун – находка для шпиона.

Командиры кораблей напоследок дружно захохотали. Жить немцам, приближающимся к Моонзунду, оставалось все меньше.

21:15. ТАКР «Адмирал Кузнецов», Александр Васильевич Тамбовцев

Ну что ж, начнем, помолясь... В помещении, отведенном для «рыцарей плаща и кинжала», мы проведем совещание о том, как мы будем действовать в предреволюционном Пет-

рограде. Кроме меня и адмирала Ларионова, на совещании присутствовали мои старые знакомые: полковник Нина Викторовна Антонова, полковник же Вячеслав Николаевич Бережной и подполковник Ильин Николай Викторович. В общем, я, как старый журналюга, уже придумал название все этой честной компании – «заговор черных полковников»... гм, или, с учетом политической обстановки, можно перекрасить «черных» полковников в «красных». А что, «заговор красных полковников» – это тоже звучит.

Перво-наперво надо было обеспечить нас приемлемой одеждой, в которой мы на улицах Петрограда не вызывали бы повышенный интерес у окружающих. К нашему счастью, в те времена в моде был стиль, который бы сегодня назвали «милитари». Чуть ли не половина мужского населения Питера носила полувоенную форму. Я пометил в блокноте: надо раздобыть у наших каптеров хорошие хромовые сапоги, портянки (когда я их последний раз наматывал?!) бриджи, гимнастерку и какую-нибудь куртку, лучше кожаную. Они здесь уже вошли в моду. На голову – какой-нибудь картуз. Примерно так же можно приодеть и моих сопровождающих, для разнообразия дав некоторым из них старые шинели. Правда, пуговицы со звездочками надо спороть, обшить материей, и снова пришить. Хотя можно взять бушлаты, спороть с них погоны – и получится подобие ватников. На крайний случай любопытным можно будет сказать, что это обмундирование, полученное от союзников по Антанте.

А вот с Ириной сложнее. Подходящей к тому времени женской одежды мы раздобыть не могли. Пришлось импровизировать. Остановились мы на платье девушки в стиле «революционная эмансипэ». Длинная юбка, опять же кожаная куртка, гимнастерка (где ж нам ее размерчик найти-то!?) красная косынка на голову. В общем и целом сойдет для начала. Потом надо будет попросить у товарища Сталина помочь нам экипироваться более правдоподобно – конечно, если это будет еще актуально.

Оружие решили брать с собой обязательно – на случай встречи с местной шантрапой или патрулями «временных». Хотя последнее маловероятно: юнкера к Смольному приближаться побаиваются. Но, как говорится, береженого и Бог бережет.

Из многочисленного арсенала я выбрал себе «Гюрзу» СР1МП, Ирине Нина Викторовна дала «напрокат» свой ПСМ, с приказом использовать его только в самом крайнем случае. Конечно, останавливающее действие его пули калибра 5,45×18 было слабенькое. Но зато пистолет был маленький, аккуратный – как раз под изящную девичью ручку нашей тележурналистки. Бойцы из отряда СПН ГРУ и их командир старший лейтенант Бесоев вооружились куда серьезней. Бронежилет, пистолет Стечкина с глушителем в плечевой кобуре с левой стороны, АКСУ на отпущенном ремне с правой; в разгрузке – запасные магазины к пистолету и автомату, гранаты осколочные, гранаты светошумовые, аптечка, рация, ПНВ. Не люди, а шагающие арсеналы... Мы с Ириной тоже надели легкие бронежилеты и сунули во внутренние карманы курток по многоканальной носимой радиостанции.

Теперь будем прикидывать, как нам лучше добраться до Питера. Самое подходящее время для десантирования – после часа ночи. К этому времени все, даже страдающие бессонницей, похрапывают в своих кроватях. Наиболее подходящие для высадки места, расположенные поблизости от типографии «Труд» – это Громовская лесная биржа или Таврический сад. Я лично предпочел бы Таврический сад, потому что биржа наверняка охраняется сторожами с собаками, да и в темноте среди штабелей бревен и досок можно легко переломать ноги. В Таврическом саду есть площадка, на которой занимаются любители конного спорта. На нее можно и приземлиться. Возможен сторож, но наши ангелы-хранители, как мне кажется, легко погрузят его в крепкий и здоровый сон без летального исхода.

– В общем план хороший, должен сработать, – сказал адмирал Ларионов. – А вы, Нина Викторовна, как считаете?

– Я думаю, Виктор Сергеевич, что всего на сто процентов предусмотреть нельзя, но вроде бы особых огрехов я в нем не вижу. Да и время сейчас в Петрограде такое, что обыватели лиш-

ний раз стараются не высовывать носа на улицу. Особенно по ночам. К тому же ни милиции, ни полиции, ни жандармерии нет и в помине.

Бережной и Ильин, внимательно слушавшие меня и Антонову, переглянулись и кивнули головами. Действительно, в любой, даже самый прекрасный план, лишь только начнется его реализация, сразу же начнут вноситься поправки, и тут главное – не растеряться и уметь импровизировать, исходя из текущей обстановки.

– Примем ваш план за основу, Александр Васильевич, – подвел черту адмирал Ларионов, – к тому же связь с эскадрой будем поддерживать постоянно, и в случае каких-либо осложнений мы постараемся помочь вам.

– Сергей Викторович, – продолжил я, – позвольте теперь поговорить о чисто политических моментах. Насколько мы знаем, узкий круг руководителей РСДРП(б) принял окончательное решение о вооруженном восстании. Через две недели будет сформирован Военно-Революционный комитет, в состав которого войдут представители ЦК и петроградских организаций партий левых эсеров и большевиков, делегаты президиума и солдатской секции Петросовета, представители штаба Красной гвардии, Центробалта и крупнейших профсоюзов. Во главе ВРК формально стоял левый эсер бывший фельдшер Павел Лазимир и большевики: Лев Троцкий – его представлять не надо, Николай Подвойский – старый боевик, отличившийся еще в 1905 году в Москве, и офицер-дезертир, сбежавший из эшелона, следовавшего на Дальний Восток во время Русско-японской войны подпоручик Владимир Антонов-Овсеенко. Но это люди, которые много шумели и ничего не решали. Всем же заправлял Военно-революционный центр, формально входивший в ВРК, но занимавшийся делами, о которых и сейчас мало кто знает. В него входили совсем другие люди. А именно: Андрей Бубнов, Феликс Дзержинский, Яков Свердлов, Иосиф Сталин и Моисей Урицкий. О каждом из них можно много рассказывать. Скажу только, что реальным влиянием в партии обладали лишь двое – Яков Свердлов и Иосиф Сталин. Оба они были членами Русского Бюро ЦК РСДРП(б) еще первого состава, то есть осуществляли руководство практической работой местных партийных организаций. Ну, о Сталине известно немало, а вот Свердлов... Это – личность во многом загадочная и непонятная. В революцию 1905 года на Урале организовывал отряды боевиков, а сейчас занимается кадрами партии и умело расставляет своих людей на руководящие посты. Вот что позже о нем писал Троцкий...

Я раскрыл свой блокнот и прочитал:

– «Это был прирожденный организатор и комбинатор. Каждый политический вопрос предстал перед ним, прежде всего, в своей организационной конкретности, как вопрос взаимоотношений отдельных лиц и группировок внутри партийной организации и взаимоотношений между организацией в целом и массами. В алгебраические формулы он немедленно и почти автоматически подставлял числовые значения. Тем самым он давал важнейшую проверку политических формул, поскольку дело шло о революционном действии».

Я закрыл блокнот и резюмировал:

– В общем, типичный «серый кардинал». А вот Сталин Свердлова не любил. Можно даже сказать, ненавидел. Их взаимная неприязнь началась еще во время ссылки в Туруханском крае. Оба они угодили в поселок Курейка Енисейской губернии. Даже жили в одном доме. Но недолго – разъехались по причине личной неприязни, или, как сейчас пишут, «из-за невозможности совместного проживания». Загадочна и смерть Свердлова – по официальной версии, он умер от гриппа-испанки в марте 1919 года. По неофициальной – был избит до смерти на митинге в Орле местными рабочими. Ну, а сейчас из всех будущих советских лидеров самым вменяемым и толковым, бесспорно, является Иосиф Сталин. К нему-то мы и пойдем.

– А с чем вы к нему пойдете? – поинтересовался полковник Бережной.

– Естественно, Вячеслав Николаевич, не с пустыми руками, – ответил я. – Как мы уже прикинули с Виктором Сергеевичем, в типографии, где Сталин выпускает газету «Рабочий

путь», мы появимся около полвторого ночи; какое-то время уйдет на ритуал знакомства и предъявление доказательств нашего иновременного происхождения... Когда же беседа вступит в кульминационную фазу, а будет это около пяти часов утра, наша эскадра уже успеет обломать немецкий «Альбион» и изрядно намять бока германскому флоту у Моонзунда. И эту сенсацию первой растиражирует большевистская газета. Причем, второй, вечерний ее номер, выйдет «толстушкой», с кучей фотографий потопленных кайзеровских дредноутов и крейсеров и пленных германских десантников. В статье, повествующей о блистательной победе русского флота, будет говориться, что сие произошло при участии Центробалта, который, кстати, девять дней назад принял решение не признавать власть Временного правительства. Ну а далее будем думать с товарищем Сталиным, как половчее и без всякой пиротехники вынести на лопате «временных» и взять власть. К тому же после Моонзунда, как мне кажется, легче будет разговаривать с Германией по поводу заключения почетного мира без аннексий и контрибуций. А если ребята из ставки кайзера станут упираться, но наши авиаторы смогут быстро провести им «закрытый массаж печени», показав, что для нас нет в Германии неуязвимых мест. Впрочем, многое будет зависеть от того, насколько доверительные отношения мы сможем установить со Сталиным. Чувствую я, что Керенский со товарищи создадут нам меньше проблем, чем многие «пламенные революционеры». Уж больно многое поставлено на карту, и антантовские кураторы этих «революционеров» сделают все, чтобы наделать нам как можно больше гадостей.

Тут полковник Бережной задал мне вопрос, что называется, в лоб:

– Вы не исключаете возможность физического устранения кое-кого из этих «пламенных революционеров»?

– Все будет зависеть от конкретных обстоятельств, – уклончиво ответил я. – К тому же более важным я считаю устранить влияние их антантовских кураторов. Список я вам потом предоставлю.

– Ну хорошо, – подвел адмирал Ларионов черту над нашим «производственным совещанием», – далее каждый из присутствующих будет работать в определенном для него направлении. Полковник Бережной отвечает за силовое обеспечение операции на втором этапе и назначается командиром сводного усиленного батальона особого назначения в составе роты спецназначения ГРУ, четырех механизированных рот морской пехоты при двух самоходных батареях, роты спецназа, комендантской роты на БТР-80 и танковой роты на Т-72. Тяжелые самоходные орудия и реактивные системы залпового огня вводить в город считаю избыточным. Даже того, что будет задействовано, вполне достаточно, чтобы лояльные временному правительству части с пискom разбежались по углам, как грызуны в Цхинвале в 2008-м. Подполковник Ильин будет исполнять обязанности начальника штаба операции, а полковник Антонова во второй фазе внедрения присоединится к товарищу Тамбовцеву и будет руководить всей нашей работой в городе. Возможен вариант, при котором мы первоначально возьмем под контроль Кронштадт, Гельсингфорс и Выборг. В плане слишком много неизвестных величин, так что при малейших изменениях в оперативной обстановке я прошу немедленно ставить меня в известность. Все, все свободны. К началу операции приступить немедленно.

22:25. ТАКР «Адмирал Кузнецов», оперативный отдел Контр-адмирал Виктор Сергеевич Ларионов

Выслушав доклад начальника штаба, я подошел к висящему на стене оперативного отдела большому плазменному дисплею. На нем отображалась обстановка, сложившаяся к настоящему моменту на восточно-балтийском ТВД. Черные линии показывали предполагаемые пути немецких кораблей, известные нам по книге фон Чишвица. Синий цвет обозначал их фактически наблюдаемое положение. В настоящий момент расхождения исторических сведений с реальностью не наблюдалось. Как и описывал фон Чишвиц, два линкора, помеченные на схеме

как «Фридрих дер Гросе» и «Кёниг Альберт», уже отделились от общей колонны и направились к полуострову Сворбе. Остальные немецкие корабли соблюдали походный ордер. До начала операции оставалось пять с половиной часов. Впрочем... Фон Чишвиц писал, используя средневропейское или берлинское время. Раз движение германских кораблей идет точно «в колее», значит, события разворачиваются так, как нам и сообщил «Голос с небес». Для синхронизации действий надо помнить, что в Петрограде на час больше. Следует предупредить товарища Тамбовцева – пусть после вылета переведет часы.

Отдельно, красным цветом, обозначались позиции наших кораблей. Что-то не лежит у меня душа к лихим торпедным атакам... Лучше потратить лишние ракеты, чем потерять лодку.

– Сергей Петрович, – говорю я, – есть у меня сомнение по твоему решению с «Алросой». Слишком близко к краю минного поля она должна подойти. Край – это он на карте край, а черт его знает, что там на местности. Наши мины сыпали, немцы сыпали – и у тех, и у других никакого GPSa, навигация плюс-минус лапоть, там такая каша, что хрен поймешь. Безопасно только на больших глубинах. Вот пусть там и остается. Так что давай переиграем диспозицию – ударим по «Кенигсбергам» «Москитами» с «Адмирала Ушакова». – Я присел на край стола. – Давай мы с тобой не будем жадничать. Лучше потратим четыре ракеты, но избежим риска потерять лодку. Если и не утопим их крейсера – по такой мишени «Москиты» никогда не работали, – то бегать они у нас не будут, это уже точно. И добавьте в этот список линейный крейсер «Молтке», будь он неладен. На нем штаб десантного корпуса, так что тут тоже экономить не стоит – показательно ударим по нему «Вулканами» по высокой траектории. В остальном, товарищ капитан первого ранга, ваш план операции утвержден! Исполняйте.

23:05

Принесли только что полученное с «Североморска» сообщение: «Приступили к форсированию передовой минной позиции. Вертолетами гидроакустической разведки обнаружены проходы. Кап-1. Перов».

Коротко и со вкусом. Уважаю. Хотел послать ему патетическую радиограмму типа «Судьба революции в ваших руках», но устыдился. Написал на бланке только две буквы латинского алфавита «ОК».

23:45

Прошел по кораблю. В воздухе словно пахнет озоном. От людей буквально бьет током: так все напряжены. Обстановка далека от самых крутых учений, пусть даже и с участием Президента. Для меня лично было бы лучше, если бы сейчас ко мне вдруг каким-то чудом заглянул Владимир Владимирович, быстро спросил бы тихим голосом: «Ну, что у нас нового?» И, честное слово, я как мальчишка, свалил бы на него эту политику – ему по должности положено... И удрал бы бить немцев. Не мое это – политика... Но, увы – он там, а мы здесь, и поэтому будем делать все, что можем.

Успокоил себя, понемногу успокоил и офицеров. Немцев-то мы обязательно побьем, ничего тут хитрого нет. Деды наши их били, не имея, между прочим, такой техники. А уж нам-то и сам Бог велел. А потом втянемся в процесс – и побьем англичан с французами, и американцев тоже. Ибо несправедливо получится – немцы битые, а они нет.

На дисплее в оперативном отделе обстановка развивается согласно графика фон Чишвица. Высотный разведчик нарезает круги над Балтикой, и все и всех видит, даже сквозь низкие тучи и мелкий дождь. В окрестностях Виндавы обнаружены три боевых корабля, а на берегу – база дирижаблей. Ничего не укроется от наших зорких глаз, а вот немцы в своих жестянках в такую погоду, да еще и ночью, наверное, совсем слепые.

К полуночи занимаем исходные позиции и ждем. Время ползет медленней улитки. До начала операции осталось четыре часа. Немцы движутся как по расписанию. Линкоры вот-вот наедут на хвост авангарда с тральщиками. Остается только получать информацию с нашего

самолета-разведчика и ставить галочки. Одно плохо: кажется, что сейчас кофе просто польется из ушей.

12 октября (29 сентября) 1917 года, 02:35, Балтийское море. ТАКР «Адмирал Кузнецов»

Поднятый в воздух с ракетного крейсера Москва вертолет ДРЛО обнаружил немецкую эскадру. Теперь машина, зависнув на высоте 3500 метров, будет постоянно следить за немецкими кораблями. Время ее патрулирования – два с половиной часа, а до ракетной атаки осталось на час меньше. Для обеспечения второй фазы операции на смену ей поднимется такой же вертолет с борта «Адмирала Кузнецова». «Адмирал Ушаков», «Сметливый» и «Ярослав Мудрый» параллельным курсом сопровождают немецкую эскадру на дистанции в семьдесят миль, постоянно удерживая ее в пределах досягаемости своих ракет. «Москва», «Адмирал Кузнецов» и танкеры с буксирами находятся на исходной позиции в точке инвазии. Их «главный калибр» простреливает ТВД насквозь, вдоль и поперек. Теперь, если что-то пойдет не по плану, мы готовы нанести удар в любой момент. Фигурально говоря, «палец застыл на кнопке».

Сообщение с «Североморска»: отряд форсировал Передовую минную позицию, и теперь вертолеты ищут проходы, оставленные для линкоров в минных полях горла Финского залива. Центральная минная позиция заминирована гораздо гуще, но выходы в Балтику для собственных линкоров русское командование все равно оставило.

**12 октября (29 сентября) 1917 года, 02:45 СЕ, ТАКР «Адмирал Кузнецов»
Александр Васильевич Тамбовцев**

Итак, как перелетная птица, я опять возвращаюсь домой. Сердце немного щемит от грусти и предчувствия встречи с родным городом, каким он был за тридцать восемь лет до моего рождения. Городом, который еще не знал ни «красного террора», ни голодных революционных лет и холодных зим. Города, в котором еще живы и никуда не уехали певцы «серебряного века». Не было еще ни строек первых Пятилеток, ни страшных девятист дней Блокады. Да, Петроград 1917 года – это не Петербург 2012 года. Но все же... Все же... Как ни крути, а это мой город, в котором я родился и вырос...

В 02:45 по берлинскому времени Ка-27 ПС с нашей командой на борту оторвался от палубы «Адмирала Кузнецова». В Петрограде в это время уже было почти четыре часа ночи (или утра – кому как нравится). Мы задержались, готовя для встречи с товарищем Сталиным необходимые «методические материалы». Следом за мной на «Североморск» должны были вылететь и Бережной с Антоновой.

Вертолет поднялся почти на максимальные для себя четыре километра и, пробив верхний край облачности, понесся, освещаемый яркой полной луной. Лететь нам до Петрограда около часа с небольшим. Штурману приходится ориентироваться только на звезды, компас и приводные радиомаяки «Адмирала Кузнецова» и «Североморска». О прочей роскоши, вроде спутниковой навигации, здесь и слухом не слыхивали. Впрочем, Питер и тогда был большим городом – так что не промахнулся.

Ночь была как по заказу – лунная, но облачная. Время от времени я заглядывал в иллюминатор, наблюдая в разрывах облаков Балтийское море. Иногда вертолет на несколько минут нырял в вязкий туман, в котором, казалось, не было ни верха, ни низа. Ногам было непривычно в сапогах – отвык от них за несколько десятков лет. Китель с чужого плеча немного жал под мышками. Ирина, похожая на молодую работницу с фабрики, смотрелась очень живописно. Она тоже никак не могла привыкнуть к новой одежде, и то и дело поправляла на голове косынку и одергивала подол длинной суконной юбки.

Ну а старший лейтенант Бесоев вместе со своими бойцами были одеты совершенно одинаково: расстегнутые до пояса камуфлированные форменные бушлаты со споротыми пого-

нами. Камуфлированные кепи без эмблем. Под бушлатом – забитая оружием разгрузка, под разгрузкой тельник. Сначала «ксюхи» думали спрятать под бушлаты, но потом решили нести их открыто, на плече стволом вниз. Перед самым вылетом мы переиграли, решили взять обычные АКСУ. Время такое: теперь и с фронта дезертиры бегут с оружием.

Время тянулось медленно. Меня мучила одна мысль: успеем ли застать Сталина в типографии, а если нет, то куда он оттуда направится – к Аллилуевым или в Смольный.

Вертолет, завывая турбинами, летел все дальше на восток, прямо к цели нашего путешествия. Сейчас мы где-то над Финским заливом. Скоро на горизонте покажется Кронштадт. Вертолет стал снижаться еще над Финским заливом, пробивая облака. В Питер мы рассчитывали попасть, обогнув его с севера, чтобы не тарахтеть над самим городом. Со штурманом, моим земляком, мы прикинули, что, зайдя к месту высадки со стороны Пороховых, мы пройдем над дачей Кушелева-Безбородко и выйдем к Таврическому саду со стороны Водопроводной станции. Ее высокая кирпичная башня была хорошим ориентиром.

Еще до отправки экспедиции мы с Бережным и Бесовым обсуждали опасность нашей высадки с вертолета в Таврическом саду. И пришли к единодушному мнению, что риск минимальный. Ночное появление над городом грохочущей машины, конечно, не останется без внимания, но самой высадке, которая, по нашим расчетам, займет не более пяти минут, никто не успеет помешать. В саду возможен сторож, но он вряд ли сунется к нам, издали наблюдая за непонятным для него явлением. А жители домов на Таврической улице, запуганные уголовным беспределом, вряд ли захотят выйти на улицу – жизнь дороже. Звонить в милицию-полицию никто не станет из-за отсутствия таковых. Ну а после высадки мы бесследно растворимся в темных улицах спящего города. К тому же я знаю все тамошние проходные дворы, где можно мгновенно исчезнуть, и вынырнуть уже на другой улице. Хорошо быть местным, хотя и родившимся через тридцать восемь лет после октябрьских событий...

Остались позади черные форты Кронштадта, вытянувшиеся цепочкой поперек залива. Где-то там бузят и агитируют «за свободу» балтийские «братишки». С ними нам еще придется помучиться, приводя их к общему знаменателю, но это впереди. До Кронштадта руки дойдут еще не скоро.

Вертолет, выйдя в район Полюстрово, стал снижаться. Борттехник махнул рукой, показывая, чтобы мы были готовы к десантированию. Впереди высились громада башни Водопроводной станции и шатер Таврического дворца, слева же виднелись купола Смольного собора.

Высота пятьдесят метров, за раскрытым люком ревет разорванный вертолетными винтами сырой питерский воздух. Перемахнув Неву, мы зависли над Таврическим садом. Высаживаться нам предстояло на площадке, где любители конного спорта занимались выездкой своих лошадей. Это место мне было хорошо знакомо – при советской власти здесь играли в футбол. За забором сада на другой стороне Кирочной высился шпиль Музея Суворова.

Первыми по фалу вниз через открытый люк вертолета соскользнули две «мышки» с ПНВ. Приземлившись, они резво разбежались в разные стороны, и, убедившись, что все в порядке, подали нам сигнал инфракрасным фонариком.

Вертолет стал снижаться. Вот его шасси коснулись земли. Мы быстро выпрыгнули из винтокрылой машины и отбежали в сторону. Взревев двигателями, Ка-27ПС взмыл в воздух и отправился в обратный путь. А мы, подхватив свои вещи, резво пошагали по пахнущему конским навозом плацу в сторону деревянного мостика через одну из протоков декоративного пруда.

Местное время 04:55, Петроград. Таврическая улица. Александр Васильевич Тамбовцев

Перебежав через мостик, мы подошли к воротам сада, выходящим на Таврическую улицу. Постояли, прислушались. Было тихо. Никаких сигналов по радиации не поступало – зна-

чит, «мышки», обеспечивающие нашу безопасность, ничего подозрительного не обнаружили. Бесоев подошел к воротам, отодвинул засов и приоткрыл одну из створок. Мы протиснулись в образовавшуюся щель. На улице, вместо привычного асфальта, под ногами оказалась булыжная мостовая. Мы дождались, когда прикрывавшие нас бойцы Бесоева перемахнут через ограду сада, и отправились в сторону Тверской улицы. В руках у меня был деревянный чемодан-сундучок, где лежал ноутбук и прочие нужные для работы вещи. На углу Таврической и Тверской мы полюбовались домом со знаменитой «башней из слоновой кости» поэта-символиста Вячеслава Иванова.

С Таврической мы свернули на Тверскую, а с Тверской на Кавалергардскую. Идти нам было меньше километра. На пустынных улицах не наблюдалось ни одной живой души. Лишь на пересечении Кавалергардской и Шпалерной навстречу попался припозднившийся прохожий, но, увидев нас, испуганно шарахнулся в подворотню. На афишных тумбах болтались обрывки каких-то плакатов, улицы освещались редкими фонарями, лампы которых горели в полнакала. Было сыро, темно и неудобно.

На углу Шпалерной, там, где в мое время стоял памятник Дзержинскому, виднелись одноэтажные корпуса Аракчеевских казарм. До начала войны в них находилась Офицерская кавалерийская школа, которой одно время командовал генерал Брусилов. Сейчас здание казарм было бесхозным, частично разграбленным местными жителями.

А вот и цель нашего путешествия – массивный пятиэтажный дом в стиле модерн. Именно в нем и располагалось Товарищество печатного и издательского дела «Труд». В этой типографии сегодня печатался очередной номер большевистской газеты «Рабочий путь».

Мы остановились и стали совещаться. В типографию я решил отправиться вместе с Бесоевым. Ирину пока брать с собой не стали. Женщина, тем более красивая – это отвлекающий фактор. А беседа со Сталиным предстояла серьезная.

Найдя нужную вывеску, мы вошли в темный пахнущий сыростью и кошками подъезд. Там впотьмах я столкнулся с невысоким плотным мужчиной, выходящим из дверей типографии. Он ударился коленом о мой сундучок и сквозь зубы выругался: «Шени деда...» Я понял, что это не кто иной, как сам товарищ Сталин, собственной персоной.

– Гамэ мшвидобиса, генацвале (Добрый вечер, дружище), – поприветствовал я его по-грузински.

Тот изумленно ответил:

– Гагимарджос... – И потом, справившись с удивлением, спросил уже по-русски: – Товарищ, а мы разве с вами где-нибудь встречались? Я не могу в темноте разглядеть ваше лицо.

– Товарищ Сталин, мы к вам пришли по важному делу, – сказал я, – информация, которую мы вам хотим сообщить, еще не известна никому в Петрограде. Вы можете опередить всех, опубликовав ее на первой полосе вашей газеты. Завтра – точнее, уже сегодня – «Рабочий путь» будут рвать из рук мальчишек-газетчиков.

Заинтригованный Сталин задумался. После недолгих размышлений в нем сработал инстинкт журналиста, и он пригласил нас в типографию, где для редактора большевистской газеты был отведен небольшой закуток. На небольшом столе стоял чайник, и рядом – несколько стаканов в подстаканниках. Тут же присутствовал заправленный серым одеялом топчан. Я подумал, что порой Сталину приходится есть и ночевать прямо на рабочем месте.

В помещении знакомо пахло типографской краской, в центре комнаты стоял линотип. Рабочий пронес мимо меня набранную полосу и положил ее на верстак.

При свете десятилинейной керосиновой лампы мы более тщательно разглядели друг друга. Сталин сейчас не был тем монументальным вождем Страны Советов, которого мы привыкли видеть в фильмах о войне или послевоенном времени. Ему было всего сорок лет, и выглядел он как обычный кавказец. Одет он был просто: солдатская гимнастерка, брюки, заправленные в солдатские сапоги, поношенная серая куртка...

С не меньшим любопытством и настороженностью Сталин разглядывал и нас.

– Давайте представимся друг другу, – сказал Сталин. – как меня зовут, и кем я работаю, вы, похоже, уже знаете. А вот я не знаю, с кем имею честь беседовать...

– Тамбовцев Александр Васильевич, – ответил я, – некогда специальный корреспондент одного из информационных агентств. Можно сказать, ваш коллега.

– Старший лейтенант Бесоев Николай Арсентьевич, – представился мой спутник.

Сталин с интересом посмотрел на него. То ли ему показалась знакомой эта осетинская фамилия, то ли он удивился тому, что вроде бы сухопутный офицер носит военно-морское звание.

– Как к вам обращаться? – спросил Сталин после небольшой паузы. – «Господа» или «товарищи»?

– Обращение «товарищи» для нас более привычно, – ответил я.

Сталин понимающе усмехнулся.

– Итак, товарищ Тамбовцев, и товарищ Бесоев, что же такого важного вы хотели мне сообщить?

– Речь идет о судьбе революции, – сказал я. – Вы, наверное, знаете, что некоторые деятели Временного правительства очень хотели бы, чтобы германцы начали наступление на Петроград...

Тот кивнул и, достав из кармана портсигар, закурил папиросу.

– Германское командование планирует провести десантную операцию по прорыву немецких кораблей в Рижский залив и захват Моонзундских островов, – сказал я и обратился к Бесоеву: – Николай Арсентьевич, дайте, пожалуйста, карту.

Тот достал из планшетки сложенную в восемь раз карту с планом немецкой операции. Я развернул ее на столе перед Сталиным, который с любопытством смотрел на мои манипуляции, и продолжил, водя по карте карандашом, как указкой:

– Вот, смотрите – в случае успеха немцы обойдут приморский фланг русской армии и высадят десант, который беспрепятственно двинется на Петроград. Не факт, что они смогут взять его. Но Временное правительство, а точнее, те, кто выступает за военную диктатуру, объявят столицу на военном положении. Правительство сбежит в Москву, а в Питер введут нераспропагандированные части, которые начнут в городе резню. В первую очередь будут уничтожены руководители советов всех уровней и лидеры большевиков. Петроград залиют кровью. Вспомните, что нечто подобное произошло в 1871 году в Париже, где французские войска под командованием Тьера и при поддержке немцев уничтожили Парижскую Коммуну.

Сталин нахмурился. Он долго смотрел на карту, потом глянул на нас и неожиданно спросил:

– Товарищи, вы случайно не из ведомства генерала Потапова?

Я улыбнулся. Генерал-лейтенант Николай Михайлович Потапов был начальником военной разведки Русской армии. С июля 1917 года он тесно сотрудничал с большевиками.

– Нет, Иосиф Виссарионович, сейчас мы не из этого ведомства, хотя некоторые из нас и имеют к нему прямое отношение. Особенно Николай Арсентьевич. – Я жестом указал на Бесоева.

И тут у меня в кармане запищала рация. Достав ее (Бесоев потом сказал мне, что в этот момент глаза у Сталина стали «по девять копеек»), я включил прием и услышал голос Вадима Свиридова – одного из бойцов обеспечения, отвечавшего за нашу связь с адмиралом Ларионовым.

– Дед, я Пегий. Только что вышел на связь «Первый». Публика прибыла, «Большая Музыка» началась. Как понял меня, прием?

– Пегий, я Дед, понял тебя. Оставайся на связи, – ответил я.

– Что все это значит, товарищи? – несколько изумленно спросил у нас Сталин.

– Это значит, товарищ Сталин, что германский флот сосредоточился на исходных позициях для осуществления операции по прорыву русских минно-артиллерийских позиции в Рижском заливе...

**03:55 СЕ. ТАКР «Адмирал Кузнецов», оперативный отдел
Контр-адмирал Виктор Сергеевич Ларионов**

До рассвета еще полтора часа. Все вокруг укутывает непроницаемая тьма. Ночь. «Час Быка». Время, отведенное нам на раздумье, почти вышло. До начала «операции по принуждению Германской империи к миру» осталось всего ничего, меньше пяти минут. Только что поступило сообщение от капитана первого ранга Перова. Его отряд последовательно форсировал и Передовую, и Центральную минную позиции, и теперь на максимальной скорости движется к месту временной стоянки у острова Гельголанд. Как и предусматривал план, при получении сообщения о том, что два противолодочных вертолета Ка-27-ПЛ вылетели на «Кузнецов», я отправил на «Североморск» взвод СПН ГРУ на двух транспортно-ударных Ка-29.

Немецкий флот тоже прибыл в зону своего сосредоточения к точке «Вейс». Группы тральщиков с авангардом десанта на борту приступили к прорыву минных заграждений у входа в бухту Тагалахт. Артиллеристы двух русских батарей на мысах Хунденсорт и Ниннаст, которые должны были бы прикрывать это минное заграждение, сейчас спят сном младенца. Да и что могли бы поделать против тяжело бронированных германских линкоров береговые батареи калибром в 120-152-мм, предназначенные для борьбы с эсминцами и легкими крейсерами. Хотя проблем десанту они могли бы доставить предостаточно, но все дело в том, что в те времена, если цель была не видна невооруженных глазом, или в бинокль, это означало, что она вообще не видна.

Для своей операции немцы вовсе использовали подготовку своих моряков к действиям в условиях плохой видимости. Отметки, соответствующие немецким кораблям на планшете, почти совпадают с данными фон Чишвица. Новейший германский линкор «Баерн» уже на подходе к своей позиции напротив Серро. Еще два линкора бросили якорь в виду Церельской батареи. Двадцать 12-дюймовых стволов против двух. Если верить старой схеме, то церельцы не смогут им даже ответить, ибо немецкие линкоры стоят вне сектора их обстрела. Адмирал Шмидт, командующий операцией, осторожен, и немцы не рискуют ничем. Десантный же флот на планшете напоминает стаю лососей, идущих на нерест в устье реки.

Быстро поднимаюсь в башню управления полетами. Хочется все видеть своими глазами. На ярко освещенной палубе почти праздничная суeta. Экипажи и технический персонал готовят к вылету ударные вертолеты. Три МиГ-29К и один МиГ-29КУБ стоят со свернутыми консолями крыльев в специальном кармане перед «островом». Под каждым из них подвешено четыре управляемых высокоточных противобункерных бомбы. Задача простая, как апельсин – максимальный шоковый эффект при минимальных затратах боеприпасов и моторесурса. Не до жиру. Глубины под линкорами небольшие, и впоследствии мы позволим немцам забрать свой металлолом. Но это исключительно после заключения мирного договора, а пока пусть побудет у нас в заначке.

Я уже в башне. Одна минута до начала операции... «Москва», «Адмирал Ушаков», «Ярослав Мудрый», «Сметливый» готовятся к ракетной атаке, легли на курс ост. На палубе «Кузнецова» четыре Ка-52 и четыре Ми-28Н уже на стартовых позициях, раскручивают винты роторов. Шесть Ка-29 на кормовой стоянке с еще сложенными винтами готовы занять их место на старте. Планшет на башне показывает воздушную обстановку. Пока в воздухе один вертолет ДРЛО Ка-31 с «Москвы» и разведной вертолет КА-27ПС с «Кузнецова», на котором оператор с телеканала «Звезда» готовится снимать свой самый забойный документальный фильм под названием «Крах Альбиона». Кстати, это идея Тамбовцева. Журналисты захвалили с собой в

Сирию даже принтер, печатающий на киноплёнке. Собирались они как на необитаемый остров. И правильно: лучше ни от кого и ни в чем не зависеть.

Время «Ноль»; чуть в стороне от нас два раза полыхнуло багрово-розовое пламя, и две огненные кометы, косо пролетев по небу, скрылись в облаках. Это «Москва» нанесла удар двумя «Вулканами» по линейному крейсеру «Мольтке», где находится штаб десантного корпуса. Мгновение спустя «Адмирал Ушаков» начал выпускать во тьму свои «Москиты». Их цели – легкие крейсера «Эмден», «Франкфурт», «Кенигсберг», «Карлсруэ», «Нюрнберг». И «Москиты», и «Базальты» каждую секунду полета преодолевают по 830 метров, до их целей 110–115 километров – это всего 135 секунд полета ракет. Когда они истекут, немецким морякам придется взглянуть прямо в глаза Большому Полярному Лису. Стартовавшим одновременно с ними «Уранам», нацеленным в транспорты с десантом, добираться до цели втрое дольше – больше шести минут. Как только последний «Уран» покинул свою пусковую установку и направился к цели, я перевел дух. Как говорил Темуджин Есугеевич Борджигин, больше известный как Чингисхан, «пущенную стрелу не остановишь». А головной «Вулкан», между прочим, уже преодолел половину расстояния до цели.

Ракеты ушли вперед, и четко в соответствии с графиком с палубы «Кузнецова» стали взлетать ударные вертолеты. Когда все идет согласно заранее составленным планам, то, с одной стороны, по сердцу разливается мед от осознания хорошо выполненной работы, а с другой – возникает тревога, ибо накапливающаяся энтропия, вылившись в крупный сбой или аварию, способна так дать копытом по зубам, что мало не покажется. Поэтому не будем говорить гоп, пока не поймем, во что впрыгнули.

Минус тридцать секунд. Странная сложилась ситуация. Русские моряки и солдаты на берегу не подозревают о нацеленных на них германских орудиях. В свою очередь, немецкие моряки на боевых и транспортных кораблях, солдаты на пароходах и десантных баржах не догадываются о приближающейся к ним крылатой смерти.

Минус десять секунд. Вспоминаю строчку из труда фон Чишвица: «Всего в двух эшелонах надо было переправить около: 24.600 офицеров и нижних чинов, 3.500 лошадей, 2.500 повозок, 40 орудий, 220 пулеметов, 80 минометов и сверх того большое количество боеприпасов, инженерного имущества и запас продовольствия на 30 дней; только одно продовольствие весило 2 300 тонн».

Думаю: «А вот лошадок жалко, это вам не „дойчен зольдатен унден официрен“, это действительно Божьи твари, которые не ведают, что творят...»

Ноль – время вышло! После я много раз просматривал отснятый Андреем Владимировичем Романовым фильм. Оба «Вулкана» наводились на центр ЛК «Мольтке», находившийся в районе второй трубы. Всего лишь пятидесятимиллиметровые бронепалубы прикрывали сверху третье и четвертое котельные отделения, а также пороховые и бомбовые погреба башен «В» и «С». И вся эта роскошь – в радиусе пятнадцати метров от точки прицеливания.

Ракеты ударили в палубу почти одновременно, под углом примерно семьдесят градусов. Ослепительная вспышка расколола темноту. Боевая часть первой ракеты весом в тонну пробила бронепалубу, прошла через котельное отделение и взорвалась под снарядным погребом башни «С». Кумулятивная струя разрушила внутренние перегородки и пробила в правом борту ниже ватерлинии дыру диаметром в 7–8 метров, куда хлынула вода. «Мольтке» – корабль с кочегарками, работавшими на угле. Взрыв котлов выбросил в небо облако раскаленного докрасна шлака. Собственно, этого хватило: немецкий крейсер получил смертельное ранение. Но что сделано, то сделано. Вторая ракета ударила в его середину, между трубами, повредив паропроводы и добавив еще одну пробоину по правому борту. Дело в том, что вся конструкция подводной части боевого корабля была рассчитана на то, что мина или торпеда взорвутся у борта с наружной части корпуса, и придется оказывать сопротивление ударной волне, идущей внутрь. Но кумулятивная струя, порожденная взрывом полутонны взрывчатки,

ударила изнутри. На это немецкие конструкторы не рассчитывали. Через три минуты после первого попадания «Мольтке» сел на грунт с креном в тридцать градусов. Корма ушла под воду по верхнюю башню, полубак частично остался над водой. Получив доклад о попадании в «Мольтке», я приказал отправить группе Тамбовцева сообщение о начале «Большой музыки».

Почти одновременно с «Мольтке» взорвался легкий крейсер «Франкфурт», идущий вслед за тральщиками, сопровождая авангард десанта в бухту Тагалахт. «Москит» не умеет бить в палубу. Высокий профиль полета у него не предусмотрен. Он бьет исключительно в борт. Куда попала злосчастному «Франкфурту» осколочно-фугасная боевая часть, вызвавшая такой эффект, я не знаю. Но факт остается фактом: крейсер был уничтожен почти мгновенно. Правда, это был единственный легкий крейсер, пораженный «Москитом» насмерть. Крейсер «Эмден», получивший семидесятисантиметровую надводную пробоину в левом борту и трехметровую подводную в правом, сумел выброситься на отмель у Памерорт. При этом из-за возникшего крена пользоваться артиллерией он не мог.

Через полтора часа, когда рассвело, сидящий на мели крейсер стала обстреливать русская батарея у Серро, что вынудило команду сойти на берег. «Кенигсберг» горел в ночи, как факел, освещая все вокруг. «Карлсруэ» оказался прошитым насквозь по диагонали. Взрыватель сработал со слишком большой задержкой. Но даже так его скорость после попадания «Москита» не превышала двенадцати узлов.

Еще один крейсер, «Нюрнберг», получив попадание в носовую часть, а также подводную пробоину, с сильным дифферентом на нос потерял ход, но остался на плаву. Некоторое время спустя, во время спасательных работ, он все же напоролся на русскую мину, сорванную с якоря, и затонул.

Отгремел последний взрыв, и наступила тишина. Но у немецкого экспедиционного корпуса все было еще впереди. Смерть приближалась к ним тремя волнами. В первой шли ракеты «Уран», нацеленные на самые крупные транспорты. Во второй восемь ударных вертолетов были готовы устранить недоделки, оставшиеся от крылатых ракет. В третьей волне шесть транспортно-ударных вертолетов должны были завершить разгром десанта. Прилетать потом МиГам или нет, я решу, когда станет ясна вся картина происходящего.

Линкоры кайзеру было бы неплохо вернуть потом обратно. Но все будет зависеть от того, как поведут себя их командиры. Если они, поджав хвосты, уползут в свой Данциг, то скатертью дорога. А если попробуют с ослиным упрямством выполнить полученный приказ и начнут обстреливать русские береговые батареи, то... В общем, выбор за ними – и жизни, и смерти. А пока будем гонять вертолеты на уничтожение транспортного флота.

04:57 СЕ

До рассвета полчаса. Германского десанта считай что уже и нет на этой грешной земле. Сначала по наиболее крупным пароходам ударили «Ураны», рассекая темноту вспышками взрывов. Большая часть транспортов имела водоизмещение от двух до трех тысяч тонн, при полном отсутствии герметичных внутренних переборок. Тонули они как утюги. Кроме них, море было забито деревянными судами самого разного назначения и водоизмещения. Баркасы, баржи, плашкоуты... Примерно полпятого этот «суп с клецками» атаковали подоспевшие ударные вертолеты. Они же добились несколько крупных пароходов, не желающих тонуть после попадания «Урана». Подоспевшие Ка-29 занялись тральным флотом, прорывающимся к месту высадки.

Все море заполнилось немецкими солдатами, офицерами и моряками в спасательных жилетах, пытающимися добраться до берега вплавь. Но балтийская вода в октябре – это вам не пляжи Ниццы в июле, так что немцы быстро замерзали в ней насмерть. Сейчас вернувшиеся с вылета вертолеты дозаправляются и перевооружаются.

Глянув на часы, я понял, что все закончилось в течение часа. Десантной армады больше нет, и в любой момент я могу отдать приказ, обрекающий на ту же участь и немецкие линкоры. Сейчас все зависит только от их командиров и высшего командования. Эфир забит морзянкой. Все, теперь при любом изменении обстановки меня немедленно поставят в известность.

А сейчас надо спуститься к себе и оттуда попробовать выйти на связь с Тамбовцевым по закрытому каналу. Надо узнать, как там у них идут дела с величайшим человеком XX века.

12 октября (29 сентября) 1917 года, 05:05, Петроград. Кавалергардская улица дом 40, типография газеты «Рабочий путь»

Александр Васильевич Тамбовцев

После моего заявления Сталин, что называется, слегка и ненадолго впал в ступор. Он минуты две молчал, не отрывая взгляда от пламени на конце фитиля керосиновой лампы. Потом встрепенулся и, внимательно посмотрев на Бесоева, спросил у него (он, видимо, считал Николая Арсеньевича морским офицером, несмотря на сухопутную форму):

– Товарищ старший лейтенант, какими силами германцы намереваются прорваться в Рижский залив?

Бесоев четко отрапортовал:

– Товарищ Сталин, командование германскими вооруженными силами задействовало для осуществления операции «Альбион»: десять линкоров, один линейный крейсер, девять легких крейсеров, пятьдесят восемь эсминцев, семь миноносцев, шесть подводных лодок, двадцать семь тральщиков, четыре прорывателя минных заграждений, пятьдесят девять патрульных судов, один минный, два сетевых и два боновых заградителя, пять плавучих баз, тридцать два транспорта, и ряд других кораблей – в общей сложности триста пятьдесят одна единица. Для захвата островов немцы выделили десантный корпус генерала фон Катена – около двадцати шести тысяч человек, двести двадцать пулеметов и сорок орудий. Операция по высадке десанта начнется сегодня на рассвете ровно в шесть-тридцать по петроградскому времени.

– А какие силы у русских войск, защищающих Рижский залив? – спросил Сталин. – Я слышал, что подступы к заливу заминированы и прикрыты огнем мощных береговых батарей.

– Товарищ Сталин, – вмешался в разговор я, – В настоящий момент русский флот имеет в районе боев: два броненосца времен русско-японской войны, два броненосных крейсера, один бронепалубный крейсер, три канонерки, двадцать шесть эсминцев, семь миноносцев, три подводные лодки, три минных заградителя и другие корабли – всего сто двадцать пять единиц. Наиболее мощные береговые батареи калибром 305-мм расположены на мысе Церель и на мысе Тахкона. Ну и еще есть одиннадцать тысяч якорных мин, выставленных в этом районе. А о сухопутных войсках, защищающих острова, можно сказать только то, что они деморализованы и практически небоеспособны. Гарнизон острова состоит из мобилизованных третьей очереди, почти полностью разложившихся и готовых скорее сдаться, чем оказать сопротивление врагу. В лучшем случае эти части способны на организованное отступление. Подчиняющиеся Центробалту отряды матросов-большевиков, конечно, боеспособны, но в случае высадки десанта не смогут повлиять на ситуацию из-за своей малочисленности. Вся операция спланирована для того, чтобы организовать захват со стороны суши Церельской батареи.

– Да, положение действительно серьезное... – Сталин озабоченно прошелся по комнате, – немцы могут прорваться в Рижский залив и выйти к Ревелю. А там и до Петрограда рукой подать. Товарищи, вы точно уверены в своих сведениях?

– Товарищ Сталин, – сказал я, глядя прямо в глаза будущему генералиссимусу, – мы совершенно точно осведомлены о планах германского командования. Но у нас есть твердые основания считать, что сейчас в нескольких милях западнее залива Тагалахт на острове Эзель происходят события, которые поставят жирный крест на немецких планах прорыва в Рижский залив, и их десантная операция закончится полным провалом. Германские войска и флот поне-

сут такие значительные потери, что после этого поражения утратят наступательный потенциал и начнут искать возможность заключить с Россией сепаратный мир. Вы помните, что немцы уже закидывали удочки на эту тему – через фрейлину императрицы Марию Васильчикову в декабре 1915 года и через члена Государственной думы Александра Протопопова в Стокгольме в 1916 году. За мир с Россией выступают такие влиятельные персоны в Германии, как гросс-адмирал фон Тирпиц, дипломаты Ульрих Брокдорф-Рантцау и Хельмут Люциус фон Штеттен. Стать посредником в переговорах между Россией и Германией вызвался племянник вдовствующей императрицы Марии Федоровны датский король Кристиан X.

– И какие условия мира предлагали германцы? – заинтересованно спросил у меня Сталин.

– Речь шла о территории Польши и части Прибалтики, – ответил я. – Взамен они предлагали России приращение ее территорий за счет... своей союзницы, Австро-Венгрии...

Сталин рассмеялся.

– Конечно, чужое отдавать не жалко... – Тут он стал серьезным. – В общем, условия мира не такие уж тяжелые. Об этом стоит подумать. К тому же в ходе переговоров возможен торг – не так ли, товарищ Тамбовцев?

– Все зависит от обстановки на момент переговоров, – ответил я. – Если дела на фронте у немцев будут идти не очень хорошо, то можно добиться и более существенных уступок.

Сталин опять замолчал, о чем-то задумавшись. Потом он потер руками воспаленные от бессонницы глаза, и спросил:

– Товарищи, как вы насчет того, чтобы сообразить выпить чаю?

– Мы совершенно не против, – ответил я за себя и Бесоева. – Честно говоря, эта ночь выдалась для нас очень бурной, и мы тоже ни минуты не спали.

Сталин взял чайник и пошел куда-то вглубь типографии. Мы с Бесоевым переглянулись. Похоже, Коба отправился не только за кипятком. Я знал, что практически весь центр Петрограда был телефонизирован. Интересно, кому сейчас звонит Иосиф Виссарионович? Понятно, что не Ленину в Выборг. Дзержинский сейчас в Москве... Интересно все же, кому.

Сталин вернулся минут через десять и уже не выглядел таким озабоченным. Поставив на стол большой медный чайник, он открыл тумбочку в поисках заварки. В жестяной банке было пусто. Для верности Виссарионович поковырялся в ней пальцем, а потом развел руками.

– Прошу прощения, товарищи, чаю не осталось. Весь кончился. Можно, конечно, выпить просто кипятка. У меня есть немного сахара.

Я приоткрыл свой сундучок, и достал оттуда свой походный набор – пластиковую коробку, в которой хранилось с десятков чайных пакетиков и столько же кусочков сахара. Выложив все на стол, я повернулся к Сталину и увидел его изумленные глаза.

– Это заварка, – сказал я, показывая Сталину пакетик с желтеньким ярлычком, – надо положить пакетик в стакан и залить кипятком. Хвостик с бумажкой оставляем снаружи. А это натуральный сахар – кладите его себе по вкусу. Для меня вполне достаточно двух кусочков.

Сталин с удивлением pokrutil в руках пакетик, потом, глядя на нас, заварил чай и добавил в стакан сахар.

– Как все удивительно и просто... – пробормотал он себе под нос, – никогда в жизни не видел ничего подобного.

Пока мы не спеша пили по первому стакану чая, он с интересом нас разглядывал. Потом, видимо, сделав какие-то свои выводы, сказал:

– Товарищи, я уже почти час общаюсь с вами, но так и не смог понять, кто вы и откуда. Не могли бы вы раскрыть мне свое инкогнито?

– Иосиф Виссарионович, мы ведь уже представились вам, – ответил я, – поверьте, мы назвали свои настоящие имена и фамилии и род занятий. А вот ту информацию, которая вас так интересует, мы раскроем вам в самое ближайшее время. Сейчас наш рассказ может про-

звучать для вас слишком невероятным. Потерпите немного. Иногда не надо спешить – вы ведь помните кавказскую пословицу: «Быстрая река до моря не добежит».

Сталин молча усмехнулся и пригладил усы. Он с удовольствием прихлебывал горячий чай, продолжая внимательно разглядывать нас. Коба явно чего-то ждал. Или кого-то? Интересно...

Все выяснилось через несколько минут. Снова у меня в кармане запищала рация. Включив ее на прием, я услышал спокойный, немного замедленный, голос еще одного бойца из группы Бесоева – Максима Турдибекова: «Дед, я Алтай. К дому подъехал тарантас с мотором, – в наушниках раздалось сдавленное хихиканье, – и колеса, как у велосипеда – со спицами. В авто двое: водитель в коже и пассажир в офицерской форме. Пассажир вышел из машины и идет в редакцию. Нам его брать или как? Прием».

– Отставить... – ответил я, искоса посмотрев сначала на Бесоева, потом на Сталина. – Пусть идет, а вы еще усилие наблюдение. До связи.

– Ну, товарищ Сталин, и кого нам ждать? – спросил я нашего гостеприимного хозяина. – С кем мы будем иметь честь познакомиться через несколько минут?

Ответить мне Сталин не успел. В помещение вошел высокий худощавый офицер лет пятидесяти, с небольшими усиками и в пенсне. Я его узнал, хотя качественных фотографий этого человека мне видеть не доводилось. И немудрено – люди его профессии не любили, когда их фотографировали.

– Доброй ночи, Николай Михайлович, – вежливо поздоровался я с вошедшим, чем привел его в состояние легкого обалдения, – точнее, доброе утро. – Глянув на часы, я добавил: – Наверное, скоро уже начнет светать?

Офицер (точнее, генерал – об этом говорили его золотые погоны с зигзагом и красная подкладка шинели) удивленно посмотрел на меня и на Бесоева. Но, как человек воспитанный, генерал вежливо поздоровался с нами и присел в углу на топчанчик.

«Удивительно, как он похож на полковника Бережного... – подумал я, – прямо родной брат. Интересно будет посмотреть на их знакомство...»

– Вот это те самые люди, о которых я и сообщил вам, Николай Михайлович, – сказал Коба, – Похоже, это ваши коллеги. Они обладают совершенно секретной информацией о замыслах германцев, но с ней почему-то пришли не к вам, а ко мне.

– Представьтесь, пожалуйста, господа, – твердым и властным голосом обратился к нам генерал-лейтенант Потапов – начальник военной разведки Русской армии.

– Николай Михайлович, – ответил я, – мы ваши коллеги, только пришедшие издалека. Я Тамбовцев Александр Васильевич, в настоящее время журналист и военный корреспондент, но в свое время работал в одной разведывательной структуре, название которой вам точно незнакомо. Ведь слова «Первое главное управление» вам ничего не говорят? А вот мой коллега, старший лейтенант Бесоев Николай Арсентьевич, действительно служит в ГРУ – военной разведке, нынче пока именуемой разведуправлением главного штаба – а точнее, в одном из ее специальных силовых подразделений.

– Я ничего не понимаю... – Потапов снял фуражку и вытер пот со лба. – Александр Васильевич, какое первое главное управление? Что это за структура, о которой я ничего не знаю? А про ГРУ, Николай Арсентьевич, я тоже до сегодняшнего дня не имел никаких сведений. Будьте любезны, может быть, вы мне скажете прямо, кто вы и откуда?

Мы с Бесоевым переглянулись. Видимо, подошло время приоткрыть карты.

– Иосиф Виссарионович, Николай Михайлович, – обратился я к Сталину и Потапову. – Мы из вашего будущего, из конца 2012 года. Не считайте нас сумасшедшими или шарлатанами. Мы говорим вам правду...

В этот момент у меня в кармане снова запищала рация.

– Дед, я Пегий. Первый сообщил – «Первое отделение концерта окончено. Антракт. Публика довольна». Как поняли меня, прием.

– Пегий, я Дед, понял тебя. До связи, – ответил я и посмотрел на часы – шесть ноль пять. Похоже на правду.

На недоуменное молчание Сталина и Потапова я коротко ответил:

– Товарищи, командующий нашей эскадрой контр-адмирал Ларионов только сообщил нам, что германская операция «Альбион» полностью и окончательно провалилась. Десантный корпус и часть флота кайзера Вильгельма уничтожены. – Увидев, как вздрогнул генерал Потапов, я добавил: – Да, Николай Михайлович, именно так. Мы сюда попали не втроем и не вдесатером. Там, в ста верстах западнее острова Эзель, находится русская боевая эскадра из нашего времени. И то, что она сделала – это только начало.

Сталин и Потапов изумленно переглянулись. И тут в нашу загородку просунулась вихрастая голова мальчишки-разносчика.

– Товарищ Сталин, вам юзограмма* из Центробалта...

Примечание авторов: *юзограмма – так в то время назывались телеграммы, передаваемые с помощью электромеханического буквопечатающего телеграфного аппарата системы Юза, клавиатура которого напоминала клавиши аккордеона.

12 октября (29 сентября) 1917 года, 04:00. Балтика. Северо-восточный берег острова Эзель. Горло залива Тагалахт

Погода в эту ночь была туманная: наблюдателям, стоявшим с биноклями на вышках, не видно было ни зги. Волнение моря не превышало двух баллов. С неба сыпалась морось, слабый западный ветер насквозь пронизывал тонкие шинели русских моряков.

Под утро уставшие и озябшие наблюдатели заметили в предрассветном тумане серые призрачные силуэты неизвестных кораблей, медленно крадущихся к бухте Тагалахт. Впереди шли тральщики и миноносцы, а сзади, едва видные на фоне темно-серого неба, маячили линейные корабли и крейсера.

Четыре шестидюймовых орудия батареи № 45 изначально предназначались для отражения высадки вражеского десанта в наиболее удобном для этого месте на Эзеле, а именно в бухте Тагалахт. Однако орудия были вынесены на наружные мысы, и в случае нападения они первыми подвергались огню корабельной артиллерии. Если против эсминцев, и даже крейсеров, шестидюймовки и смогли бы устоять, то против «чемоданов» германских дредноутов они были бессильны. По существу, артиллеристы на батарее были смертниками. И желания погибнуть за какое-то там Временное правительство и лично за Сашку Керенского моряки не испытывали.

Получив сигнал с наблюдательных постов, командир батареи № 45 приказал сыграть тревогу. Артиллеристы обреченно направились к орудиям, рассчитывая при первых же выстрелах вражеских линкоров бросить все и спрятаться в бетонированных блиндажах.

Но тут произошло то, чего никто не ожидал. Один из вражеских крейсеров вдруг со страшным грохотом взорвался. Никто не увидит атакующий на скорости 2,8 маха «Москит»: весь процесс занимает доли секунды, не успевая отобразиться на сетчатке человеческого глаза. И этот «Москит» решил взорваться как раз в носовом бомбовом погребе крейсера. Ослепительная вспышка осветила морскую гладь, буквально забитую вражескими кораблями. Не успели моряки очухаться, как в море прогремело еще несколько взрывов, причем два из них, наиболее мощные, случились на крупном линкоре или линейном крейсере (на глаз не отличишь), который с сильным креном быстро пошел ко дну. Еще один немецкий корабль пылал как факел, два других крейсера, накренившись, едва держались на плаву...

Артиллеристы батареи № 45, уже приготовившиеся к открытию огня по противнику, застыли с открытыми от изумления ртами. После серии взрывов наступила тишина. Текли томительные минуты. Медленно приходящие в себя моряки-балтийцы судорожно пытались

понять, что происходит, кто и каким оружием уничтожило германские корабли. Было непохоже, что противника накрыли залпы наконец-то вышедших из Гельсингфорса линкоров. К тому же даже их двенадцатидюймовые снаряды были не способны отправить на дно крейсер одним попаданием.

А через пару минут тишину нарушил гул с небес. Стаей злобных шершней подходили невидимые в темноте другие участники сражения. Балтийские моряки на берегу не знали, что эти ракеты, в отличие от «Москитов» и «Вулканов», не умеют распределять между собой цели, поэтому время их пуска было растянуто по времени, а боевые курсы были рассчитаны так, чтобы зоны захвата их радиолокационных ГСН не пересекались.

Результат превзошел все ожидания. На крупных судах германского транспортного флота загремели взрывы. Набитые десантниками транспорты взрывались, горели, тонули. Перевернулся и затонул самый крупный в германском флоте пароход водоизмещением 11 тысяч тонн, на борту которого был целый пехотный полк. С мостика полузатонувшего линейного крейсера «Мольтке» немецкое командование операцией «Альбион» с ужасом наблюдало за происходящим.

Первым опомнился командующий морскими силами адмирал Шмидт, и вскоре с мостика изуродованного взрывами «Мольтке» замигали вспышки сигнального фонаря: «Всем линкорам! Немедленно отходить в Путциг. Проиграна только битва, но не война. Германия превыше всего! Вице-адмирал Шмидт».

Этот приказ спас моряков линкоров. Предназначенные для них тяжелые бомбы были сняты с подвесок самолетов «Адмирала Кузнецова», и отправлены на склад. Но это был лишь третий акт драмы. Со скоростью двухсот пятидесяти километров в час к немецкой десантной армаде приближались новые действующие лица.

Не прошло и получаса, как над головами людей, барахтающихся в холодной балтийской воде, раздался странный гул. В серых предрассветных сумерках над черной гладью вод появились силуэты невиданных летательных аппаратов. Похожие на доисторических хищных летающих ящеров, они широким фронтом шли в сторону германской эскадры, чуть рыская на курсе, будто принохиваясь к добыче.

Вот ведущий группы поймал в прицел набитый германскими солдатами плашкоут; рука в кожаной перчатке откинула предохранительную скобу и на мгновение утопила кнопку. Два НАРА огненными молниями сорвались из-под пилонов винтокрылой машины и огненными кометами унеслись к цели. Яркая вспышка сдвоенного взрыва разломила плашкоут на части и отправила германский взвод из состава авангарда десанта в Валгаллу.

Мгновение спустя небо над заливом Тагалахт расцвело яркими трассами пушечных и пулеметных очередей, яркими кометами летящих во все стороны НАРов... Два винтокрылых аппарата на какое-то время зависли возле полузатопленного немецкого линейного крейсера. Что они там делали, с берега было не разобрать – похоже, что с помощью веревок они кого-то подняли с мостика корабля.

Это было страшное зрелище! Небо над заливом стало красным. Немецкие корабли, баркасы, плашкоуты, горели, словно копны сена. С неизвестных летательных аппаратов в их сторону летели огненные стрелы. Корабли германского десантного корпуса и сопровождавшие их миноносцы горели и взрывались. Те из них, что сохранили ход, пытались найти спасение, судорожно меняя курс, и попадали на минные заграждения. К взрывам ракет и снарядов добавились взрывы морских мин. Закончив свою работу, странные летательные аппараты поднялись выше, развернулись и быстро удалились в сторону открытого моря.

Артиллеристы на обеих русских батареях, прикрывающих вход в залив, видя, что работа не закончена, открыли беглый огонь по вражеским судам, столпившимся там, где германские тральщики были атакованы винтокрылыми аппаратами. Белопенные столбы воды от рвущихся

шестидюймовых фугасов поражали тралышки и миноносцы. Ополонувшие от страха немцы не отвечали, и русские орудия расстреливали вражеские корабли как на полигоне.

Мичман Зверев, вместе с комиссаром Центробалта, матросом 1-й статьи Прохором Москвиным наблюдавший в бинокль за происходящим в бухте побоищем из-за бетонного бруствера второго орудия батареи № 45, вздохнул и сказал:

– Это Чесма, Прохор, настоящая Чесма. Была такая битва во время войны с турками в царствование Екатерины II. Тогда русский флот ночью в Чесменской бухте, что на острове Хиос, сжег весь турецкий флот. Ужасно интересно было бы узнать, кто и зачем сейчас сжег германцев...

Комиссар лишь пожал плечами. Ему в Центробалте ни о каком таком новом чудо-оружии никто ничего не говорил. Там все больше напирало на революционную бдительность и на то, чтобы не пропустить германца в Петроград. А сейчас произошло такое, о чем надо было срочно сообщить рапортом лично товарищу Дыбенко, председателю Центробалта.

Оторвавшись от наблюдения, он ответил Звереву:

– Я, мичман, знаю столько же, сколько и ты. Скажу только, что я на одной такой летающей машине флаг наш андреевский видал, а значит, они не англичане и не мериканцы. Наши это, русские. Пойдем, поможешь рапорт товарищу Дыбенко составить. В юзограмме напишем все как есть, что видели своими глазами. Германца побито несметно, и народа, и кораблей. Может, товарищ Дыбенко чего знает?

Тем временем взрывы в заливе прекратились. И тогда с моря до артиллеристов батареи, задробивших стрельбу, донеслись крики ужаса. Это орали немецкие солдаты, сошедшие с ума во время страшной бомбардировки.

Солнце еще не взошло, но уже было светло. Немецкие солдаты, безуспешно пытаясь спастись, сотнями барахтались в холодной воде. Кто-то из них не успел надеть спасательный жилет – те сразу же тонули. Но можно сказать, что этим «счастливицам» повезло, и смерть их была легкой. Те же, кого пробка жилетов держала на поверхности, умирали от холода в ледяной воде долго и мучительно.

Когда солнце наконец появилось из-за горизонта, к берегу мыса Хундерсорт волны стали выносить трупы в спасательных жилетах и без них. Их было много, очень много...

Выбросившиеся на пустынный берег десантные и боевые суда германцев продолжали гореть. Всю поверхность бухты усеяли обломки уничтоженных кораблей, трупы десантников в серых мундирах и моряков в черных форменках.

Командир и комиссар батареи отправив рапорт Дыбенко и заодно комфлота Бахиреву, снарядили из добровольцев группу, которая на баркасе обследовала берег бухты Тагалахт и немецкие корабли, выбросившиеся на мелководье. Никто из тех, кто сумел выбраться из воды и уцелеть на разбитых, изрешеченных осколками транспортах и плашкоутах, и не подумал оказать сопротивление. Противник был настолько деморализован, что при приближении патруля тут же поднимал руки. Тем более что большинство немецких солдат давно потеряли свое оружие в море. Некоторые из уцелевших немецких десантников и моряков находились явно в невменяемом состоянии. Часть из них просто спятила. Те же, что сохранили разум, в ужасе что-то бормотали. Мичман Зверев, немного знавший немецкий язык, перевел комиссару Москвину и другим матросам то, о чем рассказывали немцы.

По их словам, они вышли из Либавы в составе десантного корпуса, чтобы захватить острова Моонзундского архипелага. На транспорты было погружено все необходимое для постройки пристаней в месте высадки. Командиры сказали им, что русская армия сражаться не будет и что им предстоит просто легкая прогулка: brave солдаты кайзера сойдут на берег, не замочив ног, и одним своим видом разгонят «русише швайне», которые уже закончили для себя войну и ждут не дожудся, когда немцы возьмут их в плен. И вот тогда, когда от началь-

ников десантных партий уже поступила команда приготовиться к началу высадки, и произошло самое страшное.

Тут немцы начинали дрожать и нести окоlesiцу. Они бормотали что-то о «летающей смерти», об «оружии бога Тора», и о «крылатых всадниках Апокалипсиса». По словам пленных, вдруг разверзлись небеса и на них набросились все силы ада. И что они – три десятка человек – это все, что осталось от десантного корпуса германской армии.

По мере того, как мичман Зверев переводил то, что рассказали пленные, у русских моряков, слушавших этот рассказ, от ужаса зашевелились волосы на голове. Те, кто еще верил в Бога, стали тайком креститься. Можно было верить пленным или не верить, но почти все из того, о чем они рассказывали, моряки видели своими глазами. И главное – молодые немцы, испытывавшие на себе всю мощь неизвестного противника, за одно, проклятое для них утро, стали седыми. Мичман Зверев, считавший себя просвещенным атеистом, и комиссар Москвин, который давно не верил ни в Бога в черта, тоже вдруг почувствовали себя неудобно.

Приказав артиллеристам собрать всех пленных в одном из пустующих капониров батареи, они отправились на КП ждать новых данных об обстановке на море и хоть каких-то распоряжений от командования флота и Центробалта.

12 октября (29 сентября) 1917 года, Петроград. Кавалергардская улица дом 40, типография газеты «Рабочий путь»

Александр Васильевич Тамбовцев

Сталин взял переданную ему юзогамму и стал внимательно ее читать. Потом хмыкнул, перечитал снова и протянул бланк генералу Потапову.

– Извините, товарищи, – усталым голосом сказал Сталин, – только теперь я могу поверить в то, что вы мне рассказали. Слишком уж фантастически все это звучало. Как вы там сказали – «мы люди из будущего, с русской военной эскадры, прибывшей к нам из 2012 года...» А вот теперь, после этого сообщения Центробалта, я даже не знаю что и думать... – Он прошелся по выгородке взад-вперед, потом повернулся в нашу сторону и посмотрел эдаким своим пронзительным «тигриным» взглядом и произнес тихо и серьезно: – Мне ничего не остается, как поверить вам...

В ответ на это я только слегка улыбнулся. Ведь доказательств нашей «нездешности» было у нас достаточно. Тем временем генерал Потапов в свою очередь два раза перечитал сообщение, крикнул, снял с носа пенсне и тщательно его протер белоснежным носовым платком.

– Да, как все просто... – сказал он, – и как все страшно. Еще в середине августа мы получили от наших агентов информацию о том, что германцы готовятся к прорыву в Рижский залив. Сказать честно, никто из нас даже и не рассчитывал, что армия и флот, находящиеся в сильнейшей степени разложения, смогут отразить немецкий удар. Но сейчас наблюдатели на Эзеле сообщают, что в море горят и взрываются немецкие транспортные и боевые корабли, в заливе Тагалахт волны выносят на берег трупы немецких солдат и моряков... – Генерал вздохнул. – Южнее селения Памерорт на берег выбросился поврежденный германский крейсер. Батареи Балтфлота открыли огонь по освещенным пожаром немецким кораблям. На ноги поднят Разведотдел Балтфлота, служба радиоперехвата каперанга Ивана Ивановича Рейнгартена пытается перехватить вражеские радиогаммы и определить уровень немецких потерь.

– Наши определяют быстрее, – машинально сказал я, потом вспомнил о самом главном и повернулся к Иосифу Виссарионовичу. – Товарищ Сталин, сегодняшний номер «Рабочего пути» уже печатают?

– Ай, бодиши! – воскликнул будущий «вождь и учитель», быстро ухватив мою мысль; от волнения у него на мгновение прорезался резкий кавказский акцент. – Адын момент, тава-рищи... – И главред «Рабочего Пути» почти бегом отправился куда-то вглубь типографии.

А генерал Потапов, еще раз пробежав послание Центробалта, задумчиво посмотрел на меня и сказал:

– Не знаю, как к вам и обращаться-то...

– Николай Михайлович, – ответил я, – у нас принято обращение «товарищ», но если вам оно непривычно или неприятно, то можете называть нас по имени и отчеству.

– Хорошо, Александр Васильевич, – кивнул тот. – В силу моих должностных обязанностей сейчас меня интересует, каковы дальнейшие планы вашего командования? Дело вот в чем... – Генерал в раздумьях снова начал протирать пенсне. – Германцев вы разбили. Этот фигляр и болтун Керенский, естественно, завтра же объявит себя великим полководцем и припишет себе все заслуги в поражении немецкого флота. А это плохо: лавры победителя могут, хоть и ненадолго, прибавить ему популярности...

Я с интересом посмотрел на генерала.

– Это проблема вполне решаемая, Николай Михайлович. Подумайте сами – не остановить германцев мы не могли. Мы же все-таки русские. Дело еще в том, что десант во время транспортировки по морю весьма уязвим, выбивать же потом уже высадившийся германский корпус было бы трудно и чревато большими потерями. Чтобы окончательно свергнуть всеми презираемое Временное Правительство, теперь остается лишь уговорить товарища Сталина официально возглавить партию большевиков и взять власть в стране в свои руки. Причем сделать это надо как можно быстрее. Первым шагом к этому станет сегодняшний выпуск «Рабочего Пути»: утренний – с анонсом, и вечерний – с подробным репортажем с места сражения. К завтрашнему утру газета «Рабочий путь» станет самой популярной газетой в Петрограде, а партия большевиков – самой популярной партией в России. Уже сегодня вечером не мальчишки-газетчики будут бегать за читателями, предлагая ее купить, а читатели будут бегать за этими мальчишками в надежде найти газету с описанием разгрома германцев. А что именно будет в вечернем номере – о том особый разговор...

В этот момент в закуток вернулся донельзя довольный Сталин. Он залпом допил уже остывший чай, лихо разгладил свои усы, и с улыбкой сказал:

– О чем шушукаемся, господа-товарищи? А я едва успел, буквально в последнюю минуту остановил выход номера. Если бы вы слышали, какими словами меня крыл метранпаж! Таких загибов я не слыхал даже от уголовников в Баиловской тюрьме. Но я все же уговорил его срочно переверстать первую полосу. И наша большевистская газета первая и единственная сегодня сообщит о славной победе НАШЕЙ большевистской эскадры... – Сталин вопросительно посмотрел на меня и, дождавшись моей легкой улыбки и короткого кивка, продолжил: – ...над германским флотом, рвавшимся к Красному Петрограду.

– Все правильно, товарищ Сталин, – еще раз кивнул я, – мы там, у себя на эскадре, готовясь к сегодняшней миссии, решили вам немного помочь. Во время боя наш кинооператор вел съемку на месте событий, и мы решили на своем полиграфическом оборудовании напечатать примерно полторы сотни цветных плакатов-афиш, которые неплохо бы сегодня же расклеить на афишных тумбах города. В них будут самые эффектные кадры взрывающихся и горящих германских судов, плененных немецких солдат и офицеров в мокрой и грязной форме. А также сообщение о том, что все подробности о сражении в Рижском заливе можно будет прочитать в вечернем выпуске газеты «Рабочий путь». Сейчас как раз заканчивают печатать эти плакаты. Кроме того, к завтрашнему утру материал будет переведен на киноплёнку привычного вам формата, и неплохо было бы организовать просмотр фильма для всех желающих. В придачу к этому вы получите в самое ближайшее время, – я посмотрел на часы, – где-то к полудню, целую пачку фотографий с места сражения и репортаж, написанный нашими журналистами. Товарищ Сталин, вы успеете сделать цинковки к вечернему номеру и набрать тексты? Учтите, что номер получится раза в три-четыре толще, чем обычно.

– Сделаем, в лепешку разобьемся, но сделаем! – Сталин от азарта даже вскочил с места. Глаза его горели, весь он был готов тут же сорваться и помчаться делать номер, который будет информационной бомбой огромной силы.

– А вы успеете к полудню доставить с Моонзунда фото? – скептически спросил генерал Потапов. – Ведь расстояние от Эзеля до Петрограда немаленькое...

– Успеем, Николай Михайлович, – успокоил я Потапова. – Летательному аппарату, который доставил нас в Петроград, понадобилось всего час двадцать минут, чтобы преодолеть расстояние от местоположения нашей эскадры. Как только материалы будут готовы, вертолет вышлет немедленно. О его вылете нас предупредят заранее по радио.

Увидев изумленный взгляд генерала, я пояснил:

– Николай Михайлович, вертолет – это такая винтокрылая машина, которая может подниматься и опускаться вертикально, и передвигаться по воздуху со скоростью 250 верст в час. Вот только это очень шумная и заметная машина... Мы-то прилетели ночью, когда никто лишней раз носа на улицу не высунет. А вот как быть днем? Могут возникнуть сложности в связи с тем, что посадка вертолета привлечет внимание множества зевак. Николай Михайлович, видимо, придется сажать ее где-нибудь подальше от города. Может быть, вы предложите подходящее место?

В разговор неожиданно вмешался Сталин:

– Не вижу проблемы, товарищи. Мы все равно во всеуслышание заявим, что немцев разбила наша большевистская эскадра, построенная на деньги партии, к примеру, в Америке. Вы сказали, что ваш вертолет может опускаться вертикально. Так вот, товарищи, если он опустится во дворе этого здания, то это только еще больше убедит людей в нашей правоте.

Я побарабанил пальцами по столу.

– Тогда, товарищ Сталин, как говорят на Востоке: «Если вскочил на спину бешеного тигра, то скажи, а то он тебя разорвет...»

– Что вы имеете в виду, товарищ Тамбовцев? – Сталин присел напротив меня. – Я вас не совсем понимаю.

Я вздохнул.

– Товарищ Сталин, давайте я буду говорить откровенно...

Он задумчиво кивнул и сказал:

– Мне кажется, это будет непростой разговор.

– А кто вам обещал, что все будет легко и просто? – парировал я.

– Тоже верно, – согласился Сталин, – но нет таких крепостей на свете, которые не смогли бы взять большевики. Говорите, товарищ Тамбовцев, я вас внимательно слушаю.

– Примерно через сутки в Петрограде высадутся примерно пять сотен бойцов, прекрасно обученных, вооруженных и экипированных. С учетом их подготовки, вооружения, техники, боевого духа и решимости, их можно было бы приравнять к нынешнему армейскому корпусу. Теперь вы понимаете, что «бешеный тигр», о котором говорится в пословице, уже на подходе. Попав в город, наши люди пинком вышвырнут правительство Керенского, и власть можно будет передать в руки тех, кто остановит распад страны и превращение ее в колонию европейских государств. И не только европейских. Вакуум власти надо заполнить немедленно. Мы с Николаем Михайловичем, несмотря на то, что нас разделяет без малого век, единогласно сошлись в одном – силой, которая будет способна остановить распад страны и иностранную интервенцию, могут стать только большевики. Только тут возникает вопрос: согласны ли партия большевиков вообще и товарищ Сталин в частности взять на себя этот страшный груз ответственности? Скажу сразу: в наше время большевики взяли власть и спасли страну. Но каких жертв и крови это все стоило... Мы хотим, чтобы те муки страдания в этот раз не повторились.

По ходу моего рассказа Сталин то краснел, то бледнел. На его лице явственно обозначились оспинки, обычно незаметные. Потом он вытянул из кармана коробку с папиросами и закурил. Я ему не мешал, и не торопил с ответом. Такую информацию нужно переварить не спеша.

Наконец, раздавив в пепельнице окурок, Иосиф Виссарионович пристально посмотрел на меня. За эти пять минут он будто постарел на десять лет.

– Непростую задачу, товарищ Тамбовцев, вы поставили передо мной. Мне приходилось бежать с каторги, участвовать в «эксах», не бояться ни Бога, ни черта. Но каждый раз что-то приходилось делать впервые. Как вы правильно заметили, товарищ Тамбовцев, нам, большевикам, никто не обещал, что будет легко. Могу ли я переговорить с адмиралом Ларионовым?

– Можете, товарищ Сталин, только я бы посоветовал вам побеседовать с Виктором Сергеевичем вживую, с глазу на глаз. Вы прекрасно понимаете, почему именно так, а иначе...

А вот радиостанция нам сейчас понадобится. Надо согласовать время и место передачи «посылки» из будущего.

По рации я вызвал в типографию Вадима Свиридова с его «мобильным радиоузелом» за спиной. Зайдя в закуток, он быстро, по-деловому, скинул рацию с плеч и стал разворачивать свою бандуру, что-то бормоча себе под нос. Минуту спустя, включив питание, Вадим стал настраивать рацию, перебирая каналы. Генерал Потапов с изумлением смотрел на нашего «маркони». Ведь полевые радиостанции в это время представляли из себя кучу ящиков и сундуков, перевозимых на двух пароконных повозках.

Наконец, видимо, добившись приемлемого результата, Вадим быстро проговорил:

– Гнездо, я Пегий, как меня слышите, прием?

Вадим вызывал флагмана нашей эскадры. Среди шороха и потрескивания мы услышали голос радиста с «Кузнецова»:

– Пегий, я Гнездо, слышу вас на четверку, прием...

Я взял у нашего радиста микрофон и сказал:

– Гнездо, я Дед, дайте Третьего.

Некоторое время пришлось подождать – и вот в динамике прозвучал вполне узнаваемый знакомый голос Коли Ильина, моего бывшего коллеги:

– Дед, я Третий, слушаю тебя, прием.

– Третий, я Дед, – сказал я, – когда будет отправлена посылка для товарища Сталина? Мы готовы принять ее в любое время, прием.

После короткой паузы Ильин ответил:

– Дед, посылку вам отправим через минут сорок, у нас возникли небольшие трудности при печати. Но, уверен, картинка всем очень понравится. Все, что называется, в цвете, снимали с подсветкой от горящих германских кораблей.

– Третий, я Дед, будем ждать вашего сигнала...

– Александр Васильевич, – обратился ко мне генерал Потапов, – я предлагаю место приземления вашей летающей машины – ипподром в Коломягах. Бегов там сейчас считай что нет, место практически безлюдное. Я возьму в гарнизонном гараже грузовичок с охраной – и можно будет доставить, как вы говорите, «посылку» хоть в Смольный, хоть куда, не более чем за час.

– Спасибо, Николай Михайлович, – поблагодарил я генерала, – но товарищ Сталин уже решил не скрывать своей связи с нами, поэтому вертолет мы приземлим... – я повернулся к товарищу Сталину, – в этом дворе, пожалуй, маловато места: размах винтов этой машины – семь с половиной сажень, да еще воздушные потоки во дворе-колодце... пилот просто не возьмется сажать машину. Лучше использовать то же место в Таврическом саду, где мы и высадились этой ночью, когда прибыли сюда.

Сталин утвердительно кивнул, соглашаясь с моими доводами, и я снова вызвал по рации Ильина.

– Третий, место посадки прежнее, Таврический сад. Экипаж в курсе!

– Дед, все понял, – сказал Ильин, – время прибытия откорректируем позднее.

– Вот и все, – сказал я, передав трубку радисту. – Будем ждать посылку.

Посмотрев на изумленные лица Сталина и генерала Потапова, я с улыбкой сказал:

– Вижу, у вас появилось много вопросов к нам... Я готов на них ответить.

– Вопросы есть, как же без них... – Генерал Потапов достал из кармана записную книжку, полистал ее, что-то прикинул, а потом сказал: – Александр Васильевич, а что, если я пошлю с вашим, как вы его называете, «вертолетом», моего представителя. Нам желательно установить и поддерживать связь с вашим командованием, – он вздохнул, – у нас это называется «делегат связи».

– У нас тоже, Николай Михайлович, – сказал я и добавил: – Я думаю, что это будет наилучшим вариантом в преддверии, так сказать, предстоящих важных событий.

Генерал кивнул.

– Вот именно. К сожалению, у меня самого нет возможности отлучиться из Петрограда и лично познакомиться с вашей эскадрой и адмиралом Ларионовым. Но я готов созвониться с генерал-майором Михаилом Дмитриевичем Бонч-Бруевичем, который несколько дней назад по приказу Керенского отстранен от командования Северным фронтом. Обстановка в районе Рижского залива ему достаточно хорошо известна. Я думаю, что общение вашего командующего с Михаилом Дмитриевичем будет полезно для обеих сторон.

Я вопросительно посмотрел на товарища Сталина. Тот прошелся по выгородке взад-вперед и задумчиво проговорил:

– Я бы со своей стороны попросил бы отправить на вашу эскадру представителя от нашей партии. В качестве такового я хочу предложить товарища Дзержинского Феликса Эдмундовича. Он недавно приехал из Москвы для участия во Всероссийском Демократическом совещании, которое закончилось неделю назад. – Неожиданно Сталин хитро прищурился. – Скажите, а у вас в будущем помнят товарища Дзержинского?

Я только молча развел руками в ответ. Фотографии «Железного Феликса» до сих пор украшают кабинеты высокопоставленных чинов ФСБ. Поговаривают, что оно есть и в кабинете САМОГО...

– Товарищ Сталин, – сказал я, – мы прекрасно помним всех вас. Только многих наши современники знают лишь по фамилиям. К сожалению, как сказал классик: «Мы ленивы и нелюбопытны...». Но в данном случае вы угадали: товарищ Дзержинский – воистину великий человек.

Сталин устало потянулся и, извинившись, вышел из закутка.

Через несколько минут он вернулся, гордо демонстрируя свежий оттиск первой полосы газеты «Рабочий путь». Больше половины ее занимало экстренное сообщение о разгроме германской эскадры у берегов архипелага Моонзунд. На самом видном месте огромным кеглем – почти санспарелью, был набран заголовок: «Историческая победа Революционного Красного Балтийского флота! Вражеское нашествие на Петроград с целью удушения революции, завершилось полным разгромом неприятеля!»

Я прикинул, как этот выкрик будет звучать в устах мальчишек, распространяющих большевистскую газету. А если к делу добавить еще и баннеры? Впечатлило даже меня...

В конце сообщения жирным шрифтом было набрано: «Подробности этой великой битвы на Балтике читайте в вечернем выпуске нашей газеты! Корреспонденты газеты „Рабочий путь“ пишут с места событий».

Сталин был горд как именинник – и заслужено.

– Да, Иосиф Виссарионович, вас можно номинировать на Пулитцеровскую премию в категории «За выдающуюся подачу сенсационного материала», – в тему пошутил я. – Вы име-

ете реальный шанс стать лауреатом. Только вот в этом году премия сия уже вручена. Да и вряд ли американские империалисты вручат ее редактору-большевику.

Сталин довольно усмехнулся.

– Товарищ Тамбовцев, мы, знаете ли, тут не за доллары работаем. А вот взрывной силы у этой газеты хватит, чтобы взбудоражить весь Петроград, а потом и всю Россию. Я надеюсь, что многие, кто распинается про то, что «большевики развалили армию и флот», после этого приумолкнут. Однако, товарищи, прошу меня извинить – мне надо созвониться с распространителями и сообщить, что сегодня «Рабочий путь» выйдет увеличенным тиражом (и с возможной допечаткой) и будет еще вечерний спецвыпуск. Да и товарища Дзержинского надо предупредить о предстоящем «специальном задании партии»...

Иосиф Виссарионович отправился решать свои партийные дела, ну а мы с генералом Потаповым стали беседовать на наши, чисто житейские темы.

– Николай Михайлович, – сказал я, – один-два, максимум три дня – и все будет закончено. Но пока идет предварительная подготовка к окончательному решению вопроса о власти, нам с товарищами необходимо место, где мы могли бы развернуть свою штаб-квартиру и установить радиостанцию. Там также необходим телефон, ибо, возможно, до вас, или товарища Сталина потребуется довести срочную информацию...

Генерал принялся опять усиленно протирать свое пенсне.

– Я подумаю, Александр Васильевич... – задумчиво проговорил он. – Ведь вам надо помещение где-нибудь в центре, поблизости и от Генштаба и от Смольного. Кажется, у нас есть одна такая пустующая квартира. Мы ее время от времени используем как явочную. Кстати, а как насчет охраны?

– Охрана у нас, Николай Михайлович, лучше не бывает. – Я кивнул в сторону нашего радиста. – Вы думаете, сержант Свиридов – обычный «телеграфист Ять»? Глубоко ошибаетесь. Вадим – боец специального воинского формирования, в наше время подчиненного вашему коллеге, начальнику Главного разведывательного управления Генерального штаба. Вадим прошел полный курс диверсионной и контртеррористической подготовки, участвовал в боевых действиях. В нынешних условиях он стоит как минимум десяти фронтовиков или полусотни новобранцев. Вон, старший лейтенант Бесоев – он служит в том же спецформировании, да еще и в офицерской группе особого назначения. В бою стоит двоих-троих сержантов Свиридовых. Внешний периметр издательства сейчас прикрывают еще трое бойцов того же отряда...

Тут я остановился, вспомнив, что за всеми этими разговорами о спасении России я забыл про мерзнущую на улице Ирочку.

– Скажите, – в ответ на мои слова со скепсисом в голосе произнес генерал Потапов, – а ваших «великих и ужасных» бойцов можно как-нибудь увидеть в деле? А то, знаете ли, рассказы – это одно...

– Одну минутку... – сказал я генералу, и повернулся к старшему лейтенанту Бесоеву. – Николай Арсентьевич, приведите сюда нашу Ирочку, а то мы совсем о ней забыли. – Игнорируя недоуменный взгляд генерала, я вернулся к теме: – Николай Михайлович, там, где им приходится действовать, посторонним желательно не присутствовать. Там, где они выживут и победят, другие не продержатся и пяти минут. А насчет дела... Вам случайно не нужен командующий 8-й германской армией генерала Гутье? Если есть желание, то можно доставить его живьем для душевной беседы на Дворцовой...

Какое-то время генерал молча смотрел на меня, потом сказал:

– Ну и шуточки у вас, Александр Васильевич. А кайзера вы случайно выкрасть не сможете?

– Кайзер далеко, – сказал я, – а генерал Гутье здесь, рядом, в Риге. И при некоторой подготовке захватить его в плен и вывезти за линию фронта вполне возможно... Вот только зачем и кому он нужен?

Тут произошло сразу два события. Точнее, даже три – но наступивший рассвет никак от нас не зависел. Во-первых, старший лейтенант Бесоев ввел в типографию немного продрогшую и уставшую Ирочку, а, во-вторых, рация у Вадима высветила сигнал вызова (это мог быть только контр-адмирал Ларионов). Этот вызов отвлек наше внимание от Ирочки. Ничего, она свою долю комплиментов получит позже, когда вернется ИВС. И кстати, если сравнить ее с Наденькой Аллилуевой, то еще неизвестно, кто из них красивше.

Сержант Свиридов взял в руку микрофон.

– Гнездо, я Пегий, прием.

– Пегий, – отозвалась рация, – я Гнездо, здесь Первый, спрашивает Деда. Прием.

– Вадим бросил взгляд в мою сторону. – Гнездо, даю Деда. – Он передал мне микрофон.

– Гнездо, Дед на связи, – сказал я. – Прием.

– Дед, на связи Первый, – услышал я голос Виктора Сергеевича. – Мы решили нанести удар по штабу 8-й армии в Риге и по Либаве. Там вроде еще остается второй эшелон и тыловые подразделения десантного корпуса. Да и надо показать нашим оппонентам, что и на сухопутье мы кое-что стоим. Прием.

– Первый, вас понял, – я прокашлялся, – когда вы пришлете нам материалы по операции «Альбион», с обратным рейсом к вам вылетят делегаты связи: генерал-лейтенант Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич от Генштаба, и Феликс Эдмундович Дзержинский от ЦК партии большевиков.

– Дед, я Первый, – ответил Ларионов, – вас понял. Прилетят как раз к обеду. Встретим как полагается. У вас все? Прием.

– Первый, я Дед, – ответил я, – у нас все, прием.

– Тогда конец связи, – отозвалась рация и умолкла.

Я задумался – да так, что генерал Потапов с тревогой окликнул меня:

– Александр Васильевич, с вами все в порядке?

– Спасибо, Николай Михайлович, – отозвался я, – извините, задумался... А вот у немцев скоро будут проблемы. – И я вкратце рассказал суть моей беседы с адмиралом Ларионовым.

– Да, если бомбежка будет результативной, то давление на наши войска на Северном фронте уменьшится, – сказал генерал Потапов. – Кстати, – он посмотрел на Ирочку, – Александр Васильевич, вы не представите меня вашей прелестной спутнице?

– Буду рад, – откликнулся я. – Ирина Владимировна, позвольте вам представить начальника военной разведки русской армии, Генерального штаба генерал-лейтенанта Потапова Николая Михайловича.

Генерал лихо щелкнул каблуками и склонил голову.

– А вам, генерал, я хочу представить Ирину Владимировну Андрееву, военного корреспондента армейского издания «Красная звезда». Ирочка смелая девушка, спортсменка и, наконец, просто красавица.

– Очень приятно, – сказал генерал Потапов и, повернувшись к Ирине, разразился целой серией «гвардейских» комплиментов по поводу свежести и красоты нашей журналистки.

В этот момент в выгородку вернулся товарищ Сталин – он с некоторым удивлением уставился на нашу Ирину, которая, опустив глаза, с удовольствием выслушивала генеральские комплименты.

– Это что за прекрасное дитя? – шутливо заявил он, оглаживая усы. – Товарищ Тамбовцев, признайтесь, в будущем наука достигла таких небесных высот, что вы сумели пронести сюда эту прекрасную пэри в своем кармане?

– Нет, товарищ Сталин, – ответил я, – это Ирина Андреева, журналист, литератор и военный корреспондент. В общем, ваша коллега. А еще она предана делу революции, как его понимаем мы с вами. Одним словом не только прекрасная девушка, но и верный боевой товарищ. Просто она ожидала на улице завершения «нулевого цикла» наших с вами переговоров. Ну, а

мы, недостойные, немножко увлеклись, и про нее забыли. Надо бы извиниться перед Ириной Владимировной...

– Вай, товарищ Андреева! – воскликнул Сталин, – мапатиэт, ту шейдзлэб, Ирина Владимировна. На языке моей родины это означает – «простите, пожалуйста». Могу ли я познакомиться с образцом вашего творчества? Интересно, как пишут журналисты в XXI веке... – В глазах его плясали озорные огоньки.

– Конечно можно, – сказала Ирина.

Она достала из висящего на ремне планшета распечатку черновика своей статьи о подготовке нашей эскадры к отражению немецкого нападения и протянула его Сталину.

– Только учтите, у нас в ходу новая орфография, – предупредила она.

Сталин подошел к тусклой керосиновой лампе и углубился в чтение. Было видно, что он прочитал статью несколько раз; в самых интересных местах он хмыкал и бросал на Ирочку одобрительные взгляды.

Потом он вернул листок Ирине и заявил:

– Хорошо, товарищ Андреева, это пошло бы прямо в наш сегодняшний вечерний номер. Особенно мне понравилось, как вы пишете о чувствах ваших людей, об их желании защитить свою Родину от германских захватчиков, а революцию – от примазавшихся к ней попутчиков-паразитов. Но, – поднял он вверх палец, – у вас все написано хорошо, но мало. У этой статьи должна быть вторая часть, а именно – о разгроме немецкого флота. А так, – Иосиф Виссарионович, хитро улыбнулся, – я бы с большим удовольствием принял на работу в редакцию нашей газеты такую симпатичную и талантливую сотрудницу.

– Вы обещаете, товарищ Сталин? – Ира лукаво улыбнулась, скидывая с плеч свой спортивный черный рюкзачок. – Я буду иметь в виду ваше предложение...

Из рюкзачка на стол были выложены ноутбук, внешняя батарея и портативный принтер «Erpson». Сталин с интересом следил за ее манипуляциями.

Тем временем генерал Потапов вышел позвонить по телефону, чтобы решить вопрос с конспиративной квартирой, транспортом и генералом Бонч-Бруевичем. Сталин уже послал в Смольный за Феликсом Эдмундовичем мальчишку-рассыльного.

– Итак, товарищи, – сказала Ирина, развернув свою технику, – у меня тут есть «болванка» статьи. Александр Васильевич, – обратилась она ко мне, – были ли какие-нибудь изменения в реальной операции по сравнению с планом?

Я встал у Ирины за спиной и начал пересказывать ей то, что нам передали с «Кузнецова». Вадим из своего угла тоже время от времени вставлял свои пять копеек, дополняя мое повествование сведениями, полученными им от радистов «Кузнецова», пока он сидел в кустах. Минуты через две Сталин не выдержал и присоединился к моей позиции за спиной Ирины, наблюдая, как летают над клавиатурой ее тонкие изящные пальцы.

Время от времени в выгородку заглядывали пришедшие на работу сотрудники редакции, но, видя, что двое мужчин (один из которых их главред) что-то диктуют девушке, которая быстро-быстро печатает на чем-то вроде пишущей машинке, исчезали. Они понимали, что люди работают над экстренным выпуском, и мешать им не следует.

Подобная идиллия продолжалась минут сорок. Успел вернуть и тихонько присесть в уголке генерал Потапов, а мы все азартно наблюдали за рождением «нетленки». Наконец творческий процесс подошел к концу. Прожужжав, принтер выбросил несколько листов бумаги А4 с готовым текстом. Эта большая статья должна была стать «гвоздем» вечернего спецномера. Прочие материалы подвезут с эскадры – этим вопросом занимался мой ученик и коллега подполковник Ильин. Он, в отличие от меня, закончил журфак, так что дело свое знал. Коля подготовил ряд интервью с офицерами и рядовыми моряками эскадры, протоколы допроса плененных, которых наши Ка-27ПС выловили из воды. Высадившийся на мостик полузатонувшего «Молотке» отряд «мышек» повязал уцелевших чинов штаба во главе с адмиралом Шмид-

том и командиром 23-го резервного корпуса генералом от инфантерии фон Катеном. Был среди пленных и небезызвестный оберст фон Чишвиц, начальник штаба десантного корпуса. Товарищи офицеры уже отделили его от прочих немцев и, ничего не объясняя, приступили к спаиванию русским народным напитком. Информация, присланная Ильиным, потянула бы, пожалуй, даже не на газету-«толстушку», а на документальный роман «Как мы угробили „Альбион“»...

Перечитав готовый текст, Сталин понес его к редакторам. Собственно, все поступающие от нас письменные материалы пока нуждались в переводе с русского на русский. Стилистика и орфография начала века ХХІ сильно отличалась от стилистики и орфографии начала ХХ века.

Пока он ходил, генерал Потапов рассказал нам, что ему удалось уладить наши бытовые проблемы. Явочная квартира находилась в доходном доме на углу Кавалергардской улицы и Суворовского проспекта, дворник – свой человек. В квартире есть электричество, холодная вода, канализация и телефон. Номера, по которым мы сможем найти генерала Потапова или товарища Сталина, нам скажут. Для обеспечения наших потребностей в транспорте из гаража Академии Генерального штаба (это в трех сотнях метров от нашего дома) за нами был зарезервирован грузовик – он будет в нашем распоряжении до самого вечера. В первую очередь он доставит сюда генерала Бонч-Бруевича, а потом мы все вместе, включая и товарища Сталина, отправимся на встречу с вертолетом к тому месту на Таврическую улицу, где мы приземлились сегодня ночью. Там мы примем ценный груз, который торжественно вручим товарищу Сталину, и отправим делегатов – посланцев в будущее. А уже затем мы все, с закрепленным за нами офицером связи, направимся на конспиративную квартиру. Насчет нашей безопасности у меня голова не болела – огневой мощи наших «мышек» вполне хватило бы на отражение нападения, как минимум, роты нынешних пехотинцев. Но мы надеялись, что до этого не дойдет.

Тем временем из недр типографии вернулся донельзя довольный товарищ Сталин.

– Успех, товарищи! – сказал он, – можно даже сказать, триумф! Ирина Владимировна, все редакторы и наборщики захлеб читают ваш материал. Сбежалась чуть ли не половина издательства. Мне пришлось даже употребить власть, чтобы вернуть людей к работе. Такое здесь у нас происходит впервые.

– Товарищ Сталин... – Ирочка скромно опустила свои прекрасные глазки – ну прямо пай-девочка, – это не только мой материал. Это труд нашего коллективного творчества. Ведь мне помогали вы, Александр Васильевич, и вот даже товарищи старший лейтенант и сержант, которые щедро поделились своим личным опытом.

– Хорошо, товарищ Андреева, пусть это будет ваша общая статья, – Сталин огладил усы, – а вот вас с этой минуты я считаю внештатным корреспондентом газеты «Рабочий путь». Мне нравится ваш стиль. Скажите, товарищ Андреева, а как вас называют друзья?

– Друзья называют меня Ирочкой, – строго сказала наша красавица, – но с вами, Иосиф Виссарионович, я еще недостаточно хорошо знакома.

– Ирочка, – галантно сказал Сталин, – я постараюсь сделать все, чтобы оказаться в числе ваших друзей!

Ирина покраснела, а я подумал: «Оба-на! Такого эффекта мы и не предвидели. Если Ирочка поднажмет еще немного, то юная Наденька Аллилуева пролетит над Парижем волшебной птицей Обломинго. Правда, зная из мемуаров о ее порывистом и непредсказуемом характере, надо присматривать за тем, чтобы барышни зенки друг другу не повыцарапали из-за перспективного жениха кавказской национальности...»

А Сталин тем временем присел на краешек стола и уже серьезным, немного усталым голосом заговорил о совершенно другом, о главном.

– Мы вообще-то планировали взять власть немного позднее, в день открытия 2-го Съезда Советов, – задумчиво сказал он. – Тем самым процесс передачи власти нам, большевикам,

выглядел бы вполне законным. Но с учетом появления вас, как некой «третьей силы», все придется переигрывать. Не знаю, лучше это будет, или хуже...

– Фактор силы, как способа взятия власти – это основное в политике, – ответил я. – Как говорил один коммунист в далеком Китае, пока еще никому не известный: «Винтовка рождает власть!». А этих винтовок сейчас на руках огромное количество. Только надо сделать все, чтобы эти винтовки были направлены в нужную сторону. И не считайте нас третьей силой. Мы целиком на вашей стороне и, грубо говоря, являемся той гирей на весах истории, которая поможет вам совершить революции быстро и относительно бескровно. Только нам, в отличие от вас, известно то, что делать нужно, а что нет...

– Поясните, пожалуйста, товарищ Тамбовцев? – тихо сказал Сталин. – Что именно вы бы посоветовали сделать в первую очередь?

– Например, нам известно, что сейчас в Быховской тюрьме за участие в мятеже находятся под стражей генералы Корнилов, Деникин, Алексеев, – начал я. – В нашей истории сразу же после октябрьских событий главверх генерал Духонин своим приказом освободил их из тюрьмы, после чего генералы бежали на Дон, где и стали лидерами Белого движения. Позже солдаты линчевали генерала Духонина. Потом даже такое циничное выражение появилось – «отправить в штаб Духонина», что означало расстрелять.

– Николай Михайлович, – Сталин, внимательно меня слушавший, посмотрел на генерала Потапова, – вы не могли бы распорядиться, чтобы указанных генералов срочно этапировали в Петроград? Самосудов в любом виде мы не можем допускать.

– Товарищ Сталин, – сказал я, – с генералом Деникиным мне очень хотелось бы поговорить по душам. Неоднозначный человек. А с Корниловым следовало было бы побеседовать коллегам Николая Михайловича. Уж очень явственно из его дел торчат британские уши. Да и Духонина бы неплохо заранее заменить кем-нибудь, кому можно было бы доверять. Например, Генерального штаба генерал-майором Новицким Федором Федоровичем, командующим 82-й пехотной дивизии. А Духонин – хороший штабник, я думаю, в Петрограде для него найдется работа.

– Хорошо, товарищ Тамбовцев, – сказал Сталин, – у вас есть еще что-нибудь?

Немного подумав, я сказал:

– Сейчас, товарищ Сталин, надо срочно вызвать из Шуи в Петроград товарища Фрунзе. Поверьте мне, этот человек – настоящий полководец-самородок. Когда большевики возьмут власть, главверхом должен стать не генерал, а человек из народа, большевик. Фрунзе с этой ролью наверняка справится. А генерал Новицкий поможет товарищу Фрунзе побыстрее войти в курс дела. Я думаю, что они сработаются. Во всяком случае, в нашей истории они прекрасно ладили и довольно успешно руководили боевыми действиями на Восточном и Туркестанском фронтах. А вам, товарищ Сталин, желательно, кроме премьерских обязанностей, принять на себя и обязанности военного министра. Или лучше комиссара. Мы знаем, вы справитесь.

Сталин в ответ только крикнул, а я продолжил:

– В день «Д» из сотысячного гарнизона Петрограда за Керенского вступятся лишь считанные единицы. По нашим данным, в той истории за неделю до начала вооруженного восстания в поддержку большевиков выступили Егерский, Гренадерский, Московский, Волынский, Павловский, Кексгольмский, Семеновский, Финляндский, Измайловский, Преображенский полки. К тому же, насколько я помню, из Кронштадта и Гельсингфорса прибудет большой отряд моряков, которых как огня боятся тыловые крысы из запасных полков. Сюда же плюсуем Красную гвардию. Противостоят же большевикам лишь юнкерские училища, да и то не все. Проблем с нехваткой сил у большевиков нет, не было и не будет. Нашим людям в Петрограде останется быть лишь статистами и наблюдать со стороны за свержением власти Керенского. А вот как пройдет передача власти по всей России? Вы знаете, что по всей Руси великой уже расплодилось неимоверное количество сепаратистов, которые, пользуясь тем, что «Главного-

варивающий» Керенский как правитель абсолютно импотентен, поспешили провозгласить на местах свои «республики», «княжества» и «ханства»? Придется им прочищать мозги. И порой весьма болезненным способом.

– Да, товарищ Тамбовцев, – сказал Сталин, – задача перед нашей партией стоит весьма сложная. Тем более что для вас не секрет, что сама партия – довольно рыхлый конгломерат революционеров самых разных взглядов и течений. Пока единства мы добивались тем, что против нас был общий враг. А что произойдет, если он исчезнет?

– Иосиф Виссарионович, – сказал я, – в условиях революции и формирования новых органов власти партия на первых порах станет чем-то вроде самостоятельного органа власти. Зачастую многие вопросы будет куда проще решить внутри партийной организации. Как у нас говорили: партия стала «коллективным руководителем». Естественно, к ней примажутся не только те, кто имеет свои взгляды на строительство социализма в России, но и откровенные карьеристы и рвачи. Вот они-то и являются наибольшей опасностью для правящей партии...

В этот момент Вадим, сидевший на приеме в наушниках, поднял голову.

– Сообщение Деду от Третьего. Птица вылетела, груз с ней.

– Так, – сказал я, посмотрев на часы, – без пятнадцати двенадцать. Товарищи, давайте пока закончим этот разговор. Вертолет уже в пути, так что, Николай Михайлович, мы ждем грузовичок, потому что скоро нам надо отправляться встречать «посылку» от адмирала Ларионова. А перед этим нужно еще заехать за генералом Бонч-Бруевичем. Кстати, товарищ Сталин, Дзержинский уже вышел из Смольного?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.